

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

АНДРЕЙ ДЬЯКОВ
ЗА ГОРИЗОНТ

FUTURE CORP.

Метро

Андрей Дьяков

За горизонт

«АСТ»

2012

Дьяков А. Г.

За горизонт / А. Г. Дьяков — «АСТ», 2012 — (Метро)

ISBN 978-5-17-077421-0

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Встречайте завершение трилогии самого популярного автора «Вселенной Метро 2033», двукратного лауреата премии «Лучшая книга Вселенной»! Империя Веган начинает тотальную экспансию с целью подчинения всего Питерского метро. Одновременно с этим Таран, Глеб и их команда узнают о секретном научном проекте «Алфей», благодаря которому есть шанс очистить от радиации всю поверхность Земли. Но у противоборствующих сторон свои взгляды на то, где должен находиться самый умелый наемник Петербурга во время войны. Из города приходится пробиваться с боем, навсегда сжигая за собой мосты. Впереди – многие тысячи километров смертельно опасного пути и постоянный страх – за себя, за друзей, а главное – страх того, что там, за горизонтом, может не оказаться ровным счетом ничего...

ISBN 978-5-17-077421-0

© Дьяков А. Г., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Апокалипсис откладывается	6
Пролог	7
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Геннадьевич Дьяков

За горизонт

Роман

Апокалипсис откладывается

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

«За горизонт» Андрея Дьякова – завершение самой громкой и любимой читателями трилогии проекта «Вселенная Метро 2033» – уходит в печать сегодня, 11 декабря 2012 года, чтобы появиться в книжных магазинах в январе 2013-го. Поэтому на данный момент мне еще достоверно неизвестно, случится ли Апокалипсис или его отложили.

Первые две книги этой трилогии, «К свету» и «Во мрак», были признаны лучшими романами нашей серии в 2011 и 2012 годах. К третьей книге Андрей не только накопил опыт, мастерство и освоил премудрости плетения сюжета, но и сросся со своими героями настолько, что они уже стали членами его семьи – и вопрос еще, какую семью он за последние три года видел чаще.

Результат – книга захватывающая, эмоциональная и просто очень интересная. Настоящее приключение – и для героев, и для читателей. Новые локации, неожиданные повороты сюжета, океан адреналина и море слез. Мощный финальный аккорд прекрасной саги.

Если вы читаете эту объяснительную записку, значит, конец света не наступил; значит, нам с вами опять остается только фантазировать на эту тему. Не могу сказать, что я сильно расстроился, если вы все же держите в руках эту книгу. Так случилось, что из четырех моих книг три в той или иной степени посвящены теме Судного дня. Так что, можно сказать, Апокалипсис – это мой личный праздник.

Однако мой собственный интерес к Концу света был всегда теоретическим, а не практическим. Больше того, сам-то Апокалипсис мне не очень нравится: что хорошего в гибели миллиардов и крушении цивилизации? Что мне всегда было любо – так это фантазировать о том, как на руинах сгинувшего мира горстка выживших выстраивает мир новый, ностальгируя при этом по потерянному.

Воспоминания о сегодняшней нашей жизни – суетной, суматошной, необустроенной и часто несчастливой – написанные мрачным завтрашним днем, по сравнению с которым все сегодняшние невзгоды кажутся детской новогодней елкой, – вот на чем держится «Метро 2033» и еще добрая часть романов «Вселенной». Мне кажется, главный посыл тут – ценить то, что есть. Говорят, только лишившись чего-то – или кого-то, – человек способен действительно понять, насколько ему это было дорого и важно. В общем, призываю не ждать Апокалипсиса.

Если вы читаете сейчас эту записку, значит, ждать его опять придется долго.

Появляется масса времени на реализацию всех – самых амбициозных – планов и мечтаний, повод наконец признаться в любви, перестать откладывать жизнь на потом. А для меня – и для всей команды «Вселенной Метро» – это сигнал к захвату мира. Конец света не настал – а ничто другое нас не остановит!

Дмитрий Глуховский

Пролог

Шорох...

Едва различимый на фоне убаюкивающего перезвона капли, но все же достаточно внятный, чтобы развеять дремоту. Тишина, тревожная и вязкая, вернулась было в свои владения, но... Снова тот же звук, теперь более отчетливый, окончательно разметал остатки сна.

Зверь дернулся и, судорожно всхрипнув, повел бугристой головой, оглядывая покрытые копотью стены просторной норы. Шум, настойчивый и пугающе чуждый, не желал исчезать. Пытаясь избавиться от источника раздражения, мутант свернул метровую шею дугой и спрятал непропорционально вытянутое рыло в складках кожи под брюхом.

Комья земли, камни, куски бетона, скатываясь по отвалам осевшей породы, выдавали то место, где нежданный и не в меру самонадеянный гость бесцеремонно пробивал себе лаз внутрь рукотворной пещеры.

Луч режущее яркого света, словно удар током, выдавил из глотки мутанта протяжный вопль негодования. Шумно сопя и расплескивая грязь кряжистыми лапами, хозяин берлоги неуклюже поднялся с мшистого ложа, развернулся во всю длину, выгнув хребет в боевой стойке, и с вызовом уставился в сумрак впереди.

Четыре зловещих, источающих режущее-белое сияние глаза пристально таранились из темноты, сбивая с толку, ослепляя, не позволяя разглядеть загадочного врага. Угрожающе зашипев, мутант припал к земле и приготовился к атаке, вознамерившись выдворить чужака с обжитой территории. Однако серия оглушительных хлопков и всполохи огня заставили зверя отшатнуться. Следом, прокатившись по телу молниеносными жалящими уколами, пришла нестерпимая боль.

Мутант забился в корчах, скручиваясь в кольцо и вытягиваясь в струну, клацал челюстями и ревел, но нескончаемый огненный дождь продолжал нещадно лупить исходящую паром плоть, превращая грубую кожу в решето, выбивая фонтанчики алых брызг... Пока еще один раскаленный кусочек свинца не прошел голову зверя. Вскрикнув в последний раз, хозяин берлоги плюхнулся на брюхо и затих навсегда.

– Отставить!

Грохот автоматных очередей стих. Когда эхо отгремевших выстрелов рассеялось в сводах зала, с тихим шипением задымил самопальный фальшфейер. Подземелье озарилось мерцающим светом, ломаные тени заплясали по бетону межуровневых перекрытий.

Повинуясь жесту командира, от группы отделилась одинокая тень. Аккуратно ступая по устланному слою золы полу, сталкер приблизился к поверженному мутанту и опасно пнул неподвижную тушу носком сапога.

– Издох, кажись...

– Вот и славно. – Широкоплечий здоровяк в бандане облегченно выдохнул и опустил «калаш». – Не спим, девочки. Вы знаете, что искать.

Бойцы разбрелись по залу, шаря по закуткам лучами фонарей и переворачивая обломки обуглившейся мебели. Стараясь как можно быстрее выполнить поручение командира, они, тем не менее, то и дело озирались на труп диковинного зверя, успевшего обжиться в подвале Пулковской обсерватории после гибели ее прежнего хозяина, Черного Санитара¹.

Совсем недавно здесь бушевал нешуточный пожар. Опалины на потолке, закоптившиеся металлические остовы стеллажей, кружащая в воздухе взвесь пепла... Неприглядное местечко

---

¹ Здесь и далее – см. романы «Метро 2033: К Свету» (Москва: АСТ; Астрель, 2010), «Метро 2033: Во мрак» (Москва: АСТ; Астрель, 2011).

для обитания. Однако безумствующая природа нового мира добралась и сюда. Лоскуты рыжего мха, словно пятна проказы, покрывали пол, вольготно расположились на пластах скисшей от сырости штукатурки стен и кое-где даже переползли на пористый бетон потолка. Возможно, именно эта импровизированная подстилка глянулась мутанту настолько, что он решился устроить берлогу в месте, где все еще витал запах смерти и ощущалось недавнее присутствие ненавистных двуногих.

– Командир, кажется, здесь!

Сталкеры прекратили поиски и сгрудились вокруг более удачливого товарища. Оттеснив подчиненных, здоровяк присел возле почерневшего от копоти системного блока. Монитор компьютера валялся чуть поодаль, внутри разбитого вдребезги экрана копошились мокрицы.

– Это и есть компьютер Пахома? Амбец аппарату, – авторитетно заключил самый молодой боец, подтягивая увесистую разгрузку. – Можно сваливать.

Командир бросил на юнца испепеляющий взгляд, под которым сталкер смешался и отступил в тень.

– Мы должны быть уверены. Приказ Терентьева никто не отменял – носитель информации необходимо изъять. – В руке здоровяка словно по мановению волшебной палочки появился десантный нож.

Поддев край корпуса лезвием, сталкер нажал. С жалобным скрежетом панель отскочила, хлопья окарины осыпались в нутро системного блока. Неумело подцепив жесткий диск пальцами, командир осторожно потянул прямоугольник винчестера, но тот не поддавался.

– Вот ведь вражья техника! Тысячу лет к компу не подходил...

Сдабривая возню отборным матом, здоровяк поднапрягся, крикнул и резко повел плечом. Жесткий диск с хрустом выскочил из проржавевших креплений, обрывки шлейфа стегнули по пальцам.

– Все, братцы. Дело сделано. Возвращаемся в кабельный коллектор.

Запихав добычу в карман разгрузки, сталкер подхватил с пола автомат и зашагал к маячившему за отвалами грунта лестничному маршу. Бойцы двинулись следом, выстроившись ромбом и не забывая поглядывать по сторонам. Каждому из них не терпелось вернуться в подземку, раствориться в привычной суе станции Торгового города.

Часть I

За линией фронта

Глава 1

Шумные проводы

Забыться тревожным сном удалось лишь под утро. Из головы долго не шел ночной разговор, обеспокоенность Тарана положением дел в метро. Конечно, питерцам приходилось не сладко, это и дураку ясно. Скучный рацион, антисанитария, наземные хищники... Казалось бы, самое время сплотиться против общей беды, решать проблемы сообща. Но, разбившись на колонии и независимые «государства», обитатели подземки погрязли в раздорах, грабеже и междоусобных войнах, тем самым стремительно приближая трагическую развязку.

«Станции пустеют на глазах. Мы вырождаемся...»

Кажется, так сказал отец? Его слова лишь подтверждали то, в чем уже пришлось неоднократно убеждаться самому, поскитавшись по подземке во время недавней истории с Черным Санитаром.

К мрачным мыслям, лениво шевелящимся в окутанном дремотой сознании, добавилось вдруг необъяснимое чувство тревоги. Острое и понуждающее действовать без проволочек. Какие-то мгновения

Глеб еще сомневался, затем открыл глаза, бесшумно выбрался из уютного тепла кровати и выскочил в коридор. В темноте он не сразу заметил высокую неподвижную фигуру и сначала порядком струхнул, буквально налетев на неожиданное препятствие. Но, признав знакомый силуэт, успокоился. Таран стоял, застыв, напротив гермодвери и словно гончая, взявшая след, прислушивался к чему-то, недостижимому пока слуху мальчика. Поймав взгляд сталкера, Глеб прочитал в нем ту же тревогу, что мгновение назад ощутил сам.

Собравшись было задать вопрос, крутившийся на языке все это время, мальчик вдруг осекся, разглядев в полумраке предупреждающий жест отца. Тот призывал к молчанию, не прекращая попыток идентифицировать источник надвигающейся опасности.

Протяжная трель телефонного аппарата, висевшего на стене, прорезала тишину внезапно, заставив обоих нервно вздрогнуть. Дорогостоящую связь с центральными станциями технари протянули в бомбоубежище Тарана совсем недавно, под нажимом начальника Сенной, Виктора Терентьева. После расследования дела о взрыве на острове Мощном, Третий проникся особой симпатией к наемнику, сумевшему предотвратить конфликт с моряками Вавилона, и взял на себя расходы по прокладке выделенной линии, чтобы в случае чего иметь возможность оперативно «достучаться» до полезного знакомого.

Похоже, звонил сейчас именно он, один из самых бойких дельцов Торгового Города. О чем Терентьев говорил и почему вышел на связь в столь неурочное время, Глеб мог только догадываться. Со своего места паренек слышал лишь непрекращающийся ни на секунду бубнеж, разбавленный частыми восклицаниями. Судя по реакции Тарана, сжавшего трубку аппарата до белизны пальцев, новости не сулили ничего хорошего.

– Да, Витя, я понял. Это шанс. Какой-никакой, но шанс... – Сталкер вцепился в трубку обеими руками. – Координаты! Мне нужны точные координаты!.. Нет? Хоть что-нибудь! Хоть какие-то зацепки?!

Волнение Тарана передалось и мальчику. Нервно теребя край майки, Глеб изо всех сил напрягал слух и с волнением наблюдал за меняющейся мимикой отца. Сейчас безумно хотелось только одного – узнать о предмете эмоционального разговора взрослых. Однако в ответ на

немой вопрос сына сталкер лишь на мгновение оторвался от беседы, без объяснений бросив короткое:

– Срочно буди остальных. Мы выезжаем немедленно.

Давно не доводилось наблюдать Тарана в столь крайнем возбуждении, поэтому паренек, оставив расспросы на потом, стремглав кинулся выполнять поручение. Влетев в отсек, заставленный двухъярусными нарами и выполнявший функции спальни, Глеб мимоходом стянул с Авроры одеяло, перемахнул через тумбочку к соседнему ряду лежанок и с ходу врезался в необъятную зеленую спину гиганта Геннадия, скорчившегося на просевшей до пола койке в позе эмбриона.

– Подъем! Тревога!

От осязаемого тычка Дым даже не шелохнулся, продолжая сладко посапывать во сне, зато Индеец, среагировав на крик, подскочил как ошпаренный, смачно приложившись темечком о раму верхней койки и пытаясь на ходу собрать непослушные патлы в подобие хвоста. Несмотря на солидный возраст, старик-путеец Мигалыч бодро скатился со своей лежанки, нащупывая впотьмах автомат. Безбожник, растирая глаза кулаками и надрывая осипшие связки, кудахтал и матерился вполголоса. Аврора, ежась от холода, непонимающе следила за метаниями Глеба.

Переполох длился недолго. Как только разбудили засоню Геннадия, угостив громилу ковшем ледяной воды, суматоха улеглась сама собой. Никто не пытался больше вызнать причину раннего подъема, стоило лишь взглянуть на наемника, буквально приросшего к телефону. В гнетущем безмолвии команда суетливо экипировалась, щелкая затворами автоматов, натягивая противогазы и проверяя «банки» фильтров. К счастью, продовольствие, боеприпасы, а также походные рюкзаки с теплой одеждой и прочими необходимыми в экспедиции мелочами были погружены на борт тягача еще с вечера, поэтому сборы не отняли много времени.

Когда в помещение шагнул Таран, неведомо когда успевший облачиться в привычный бронекombineзон, пять пар глаз пристально, не мигая, смотрели на вожака. Воздух загустел от напряжения, предчувствие незримой опасности било по нервам не хуже адреналина.

– Веган начал боевые действия. Атакован один из передовых форпостов Приморского Альянса. У мазутов и в Торговом городе пока тихо, но думаю, ненадолго.

На осмысление шокирующей новости ушло несколько секунд, проведенных в гробовой тишине. Не секрет, что «зеленые» упорно копили силы на протяжении последних лет, однако каждый метрожитель втайне надеялся, что Империя никогда не решится на открытое противостояние.

Что ж... В который раз приходилось убеждаться в том, что тешить себя пустыми надеждами в этом проклятом мире – занятие глупое и опасное.

Пока остальные приходили в себя, повисшее было молчание первым нарушил Мигалыч.

– Значит, все-таки... война? – озвучил старик общий вопрос.

Сталкер мрачно кивнул в ответ, надевая разгрузку.

– А как же мы? – Глеб подался вперед, пытаясь поймать взгляд отца.

– Что «мы»? – раздраженно переспросил Таран.

– Остаемся в стороне?... Дезертируем?!

Теперь ответа вожака ожидали все, включая вмиг помрачневшего Мигалыча и притихшую Аврору. Но сталкер отчего-то медлил с ответом, а то и вовсе не желал реагировать на неудобные вопросы приемного сына.

– Это же звери! Они не остановятся на Альянсе! – закипал Глеб. – Первыми пострадают слабые окраинные станции, независимые колонии! Мы должны...

– Хватит! – строго оборвал сталкер, обдав паренька отрезвляюще суровым взглядом исподлобья. – Мы никому ничего не должны. Это не наша война. Приморцы, поди, тоже не ангелы! На Веган давно зубы точат...

Дым, до сего момента не вступавший в разговор, потянулся до хруста в позвонках, повел головой. При этом бугры трапецевидных мышц на могучей шее мутанта ощутимо вздулись.

– Не вижу причин помогать этим чистоплюям, – пробасил он. – В Альянсе всегда чужаков чурались. На помощь извне с такой политикой рассчитывать глупо. Вот пусть теперь сами и разбираются!

Глеб с удивлением покосился на Геннадия, но, припомнив, как обошлись приморцы с мутантом, выдворив за пределы своих владений, да еще и проигнорировав его заслуги в поимке Черного Санитара, понял, что вступаться за недавних обидчиков громила при любом раскладе не станет.

Ну ладно, Дым. Его еще можно худо-бедно понять. Но как же Таран? Неужели не вмешается? Что это? Трусость? Не может быть! Где ж такое видано, чтобы этот матерый сталкер чего-либо испугался?!

«В этой жизни идиотом надо быть, чтобы не бояться», – всплыли в памяти слова наставника.

Значит, все-таки... струсил? Как странно и непривычно осознавать, что твой кумир, твой идеал и просто объект подражания тоже может оказаться не без греха, а успевшие стать привычными спутниками восторг и восхищение вдруг разом блекнут и теряются на фоне едва зародившегося, но уже пустившего корни, неприятного чувства... В тот момент мальчик не ощущал ничего, кроме разочарования.

Видимо, Таран прочитал во взгляде сына нечто, заставившее его сбавить обороты, смягчиться.

– Не время и не место для объяснений, Глеб. Обсудим это позже. А сейчас пора уходить.

Последняя фраза, по всей видимости, предназначалась уже всем. Услышав команду, отряд зашевелился, завершая последние приготовления. Когда Таран решительно направился к тамбуру выхода, краем уха мальчик уловил, как Мигалыч негромко бросил вслед:

– Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь, сталкер.

Сказанные не то с укором, не то в качестве предостережения, слова старика стронули с места лавину стремительно сменяющих друг друга событий. Время внезапно сорвалось в бег, а размышления и разговоры пришлось отложить на потом, потому что в следующее мгновение все звуки потонули в реве оглушительного взрыва.

С грохотом и лязгом стальная гермодверь, сорванная с петель ударной волной, рухнула на пол. Бетонная крошка шrapнелью стеганула по защитным комбинезонам, проем выхода стремительно заволкло белесой мутью. Тарана, находившегося к лестнице ближе всех, шваркнуло оземь, протащив по полу добрых несколько метров.

Остальные по инерции попадали кто куда, растерявшихся подростков сгреб в охапку и прикрыл могучей спиной Геннадий.

Мат, крики, визг пуль, хлопки подствольных гранатометов – все смешалось в дикую какофонию звуков. Краем глаза Глеб заметил выкатившийся под свет лампы цилиндр из тусклого металла. Хвала богам, граната оказалась газовой! Словно заправский голкипер, Таран отфутболил задымивший «Гвоздь»² обратно в темноту за дырой в стене и, уходя с линии огня, резво метнулся под покрытие ближайшей колонны.

– Газ! Надеть маски! Отходим, м-мать!..

Страхнув оцепенение и огрызаясь одиночными выстрелами, беглецы ринулись вглубь убежища. Тылы прикрывали сталкер и мутант, поливая изломанный взрывом дверной проем неэкономными очередями. Кто бы ни были сегодняшние нежданные «гости», со штурмом они явно не торопились. Стреляли скорее для острастки, по верхам, ожидая, видимо, когда газовые гранаты заработают в полную силу. И лишь когда дым заполнил собой большую часть там-

---

² 40-мм выстрел для подствольного гранатомета ГП-25 с гранатой раздражающего действия.

бура, из молочной пелены один за другим стали выныривать силуэты штурмовиков. Намордники респираторов, каски, бронезилеты, ПНВ³ – экипировку подобного уровня могла себе позволить только одна структура во всей подземке...

Империя Веган. Если до последней секунды еще оставались сомнения в причастности «зеленых» к атаке больничного бомбоубежища, то фирменный стек, мелькнувший на поясе одного из нападавших, их развеял. Быть может, именно об этом спешил предупредить Тертый? Но почему кровожадные обитатели юга зеленой ветки вдруг озаботились нападением на небогатый трофеями бункер наемника-одиночки? Хотят отомстить за убийство интригана Сатура?

Подстраховав споткнувшуюся Аврору, Глеб приотстал и в который раз с тревогой оглянулся назад. Туда, где сполохи света от автоматного огня разбивали мрак на тысячи осколков, где сталкеры отыгрывали для беглецов драгоценные секунды форы.

Безбожник уже возился с запорным механизмом люка, когда подскочивший сзади Мигалыч бесцеремонно оттащил того назад.

– Стой, дурень! Вдруг тоже рванет?!

Хирург с запозданием шараялся от покрытой пятнами ржавчины металлической створки, готовой в любой момент взлететь в воздух. Веганцы вполне могли прознать о «черном ходе» из жилища наемника, сквозь сеть технических колодцев ведущем напрямик к туннелю перегона между Московской и «Папой». Ничто не мешало им заминировать вставшую на пути преграду. Однако вместо ожидаемого взрыва послышался глухой, но ощутимый удар в днище люка. Следом, с небольшой задержкой, еще один. И еще...

– Котелков им своих, что ли, не жалко?... – озадаченно подал голос Индеец. – Эдак они до второго пришествия провозятся. Или с тротилом напряг?

– Взрывать не будут, – заключил старик после недолгого раздумья. – Боятся обрушения шахты. Только нам-то не легче. Этой дорогой не уйдем!

– Чего ж не уйти-то? – подключился хирург. – Гранатой шугануть, и дело с концом!

– Гранатой, говоришь? – Мигалыч недобро осклабился. – А ты уверен, что с той стороны человек?

В подтверждение его слов ритмичные удары стихли, и в повисшей было жутковатой тишине по мозгам ударил утробный басовитый рев неведомой твари.

– Что это? – испуганно взвизгнула девочка.

– Веганские «поводыри» подмогу с болот подтянули, – пояснил Глеб. – Боюсь, надолго этой железяки не хватит.

Люк сотрясался от нещадных ударов, ржавая труха осыпалась с петель, крепления ходили ходуном. Аврора отчаянно вцепилась в руку паренька, продолжая словно под гипнозом коситься на подрагивающую створку.

– Кто стучится в дверь ко мне, с толстой сумкой на ремне... – забормотал побледневший разом Мигалыч. – Это он, это он, Ленинградский почтальон...⁴

Мальчик вздрогнул, старательно пряча замешательство. Байку о Ленинградском Почтальоне ему уже доводилось слышать. Причем не раз. И во всех историях эта твердолобая в прямом смысле слова и жутко кровожадная тварь неизменно добиралась до своих жертв, продираясь через любые заслоны и укрепления. Правда, по легенде бронированный монстр сначала деликатно так стучал, будто ожидая, что гостеприимные хозяева откроют по своей воле. И лишь потом начинал бесноваться и разбивать в труху все, что попадалось на пути. Однако в многочисленных байках ничего не говорилось о том, что веганцы подобрали ключик к управлению этим свирепым хищником...

---

³ Прибор ночного видения.

⁴ Стихотворение С. Я. Маршака «Почта военная».

И снова с появлением Тарана всеобщая растерянность улетучилась, уступив место деловой суете. Когда в отсек, пригнувшись, нырнул запыхавшийся Дым, наемник ударил по невзрачной кнопке, вмурованной прямо в стену. Тотчас из-под притолоки с лязгом упала грубо сваренная из толстых арматурных прутьев решетка, отсекая беглецов от преследователей.

– Будем уходить через больничный подвал. Глеб, ты знаешь, где это. И без меня герму не вскрывать! – Раздав указания, сталкер озадаченно взглянул на пляшущую створку и метнулся к стояку водопровода. – Гена, подсоби-ка!

Мутант без лишних слов обхватил рыжий от потеков цилиндр огромными лапищами, без видимых усилий выдрал трубу из цементного постамента и водрузил на люк. Верхний край выломанного стояка уткнулся в потолочное перекрытие. В целом получилась вполне надежная распорка.

– Пусть теперь побесится, ирод.

Перезаряжая на ходу автоматы, сталкеры ринулись вдогонку за остальными. Мигалыч и Безбожник уже заняли позиции вокруг гермодвери, а Индеец, прижавшись ухом к железу, пытался на слух определить наличие засады. Таран кинул мимолетный взгляд на детей. Сын не выказывал признаков страха, решительно сжимая в руках короткоствольный «Бизон»⁵. А вот бедняжке Авроре, не привыкшей еще к богатой на события жизни в подземке, сохранять самообладание удавалось с трудом. Девочка не отходила от напарника ни на шаг, для верности сжимая в кулачке край Глебовой разгрузки.

– У нас минута. От силы – две, – резюмировал наемник, прислушиваясь к звукам погони. – Судя по всему, веганцы не знают про сообщающийся с больничным подвалом ход. Иначе давно бы уже были внутри. Значит, у нас есть шанс добраться до «Малютки». И сделать это надо раньше «зеленых».

Члены отряда внимали, нервно переминаясь с ноги на ногу в преддверии предстоящего боя. Безбожника так и вовсе колотило, то ли от гуляющего по телу адреналина, то ли от эпической по своим масштабам прощальной попойки, которую он украдкой закатил на днях по поводу расставания со старым другом – зеленым змием. Даже бывший вождь «огрызков», за смуглое остроносое лицо получивший от Тарана прозвище «Индеец», побледнел настолько, что в свете тусклой лампы походил скорее на мертвеца, нежели на пышущего здоровьем двадцатилетнего парня.

– Мы с Дымом выходим первые. Как подам знак, вы двое – следом. – Наемник кивнул на Безбожника и Мигалыча. – Затем Глеб с Авророй. Индеец, ты в арьергарде. И без геройства! Глеб, тебя в первую очередь касается! Главное – загрузиться в тягач. Если повезет, уйдем без лишнего шума.

Жалобный звон взорванной решетки послужил сигналом к действию. Преследователи наступали на пятки, не давая опомниться. Следовало торопиться. Крутанув колесо запорного механизма, Геннадий, пригибаясь, исчез во мраке коридора вслед за Тараном. Отряд вереницей двинулся сквозь темень узкого подземного перехода. Поворот, за ним прямая, следом – анфилада стылых подвалов... Лучи фонарей шупают пространство, выдергивая из кромешной тьмы остовы разбитых стоек для капельниц, груды спаявшихся в монолитную массу панцирных коек, щедро покрытые ржой кронштейны операционных светильников... Издалека доносится грохот разбиваемой в щепы мебели – штурмовики орудуют внутри убежища в поисках поживы.

Скорее... Скорее!

Сзади слышен топот сапог – имперцы уже нашли неучтенный выход из бункера.

– Не спать! – подгоняет Таран.

---

⁵ Пистолет-пулемет ПП-19.

В ушах отдается собственное напряженное дыхание, сквозь исцарапанные стекла противогаза в сгустившемся мраке не разобрать ни черта.

С отчетливым «бухх!» где-то сзади срабатывает оставленный сметливым Индейцем сюрприз – установленная в коридоре растяжка. Истошный вопль раненого обрывается хлопком пистолетного выстрела. Добили, видать. Ни своих, ни чужих не жалеют, звери...

Близость преследователей подстегивает, вынуждает и без того оголенные нервы звенеть подобно натянутым струнам. Глеб сильнее сжимает ладошку Авроры, сквозь резину перчатки ощущая ее тепло. Это придает уверенности обоим.

А в голове тем временем роятся, множась в геометрической прогрессии, бесконечные вопросы.

«Почему веганцы? Зачем именно сейчас? Хотят завладеть бронированным ракетовозом? Или все же банальная месть? И почему Таран уклонился от боя? Не желает участвовать в войне против ненавистных “зеленых”? Почему бежит прочь, словно крыса с тонущего корабля? Должна же быть веская причина для подобного... безразличия?»

Сумрак впереди разгоняют робкие лучи дневного света. Он изливается внутрь подвала сквозь прорехи в трухлявой двери, вязким студнем стекая по ступеням покосившегося лестничного марша. Бахрома паутины подобно декоративному плющу овивает почерневший от сырости дверной косяк, свисает до пола длинными неопрятными космами. Под ногами – наледь из натаявшего с двери инея.

Беглецы сгрудились на пяточке лестничной площадки, стараясь отдышаться после непродолжительной пробежки. Образовавшийся было затор исчез, когда Таран с «калашом» наперевес ринулся сквозь снежную хлябь стылого декабрьского утра. Наемник спешил, внутренним чутьем ощущая, что опережает коварного противника всего на один ход, а затеянная игра в «кошки-мышки» с минуты на минуту перейдет в стремительный эндшпиль.

Поверхность...

И снова остро и безжалостно, как когда-то в первый раз, накатило ни с чем не сравнимое, пугающее и одновременно дарующее необъяснимый восторг ощущение бескрайнего, бездонного неба над головой. Или под ногами? Привыкнуть к этому невозможно. Глеб сглотнул, борясь с кратковременным головокружением, и, уловив краем глаза мелькающие впереди ботинки, вперил взгляд в сутулую фигуру Безбожника. Тошнота отступила. Стараясь не выпускать хирурга из виду, паренек чуть не забыл про наставления отца – вертеть головой на триста шестьдесят градусов, подмечать любые несвойственные умиротворяющему пейзажу детали. Следы на пепельно-сером снегу, подозрительные тени в брешах оконных проемов, любое, пусть даже мимолетное движение – все вокруг может таить в себе опасность, будь то зверь или человек.

И все же первым, кто распознал силуэт веганца в клочке сумрака возле приземистого здания морга, оказался Геннадий. Автомат в пудовых клешнях мутанта застучал ровно и залихватисто. Звук выстрелов заплескался внутри колодца больничных стен и, многократно усилившись, ударил по перепонкам оглушительной канонадой. Лишь спустя несколько томительно долгих секунд, наполненных отчаянной пальбой и нечленораздельными выкриками, паренек осознал, что это не просто эхо. По отряду вели стрельбу. Отсветы огней с пламегасителей веганских винтовок мелькали со стороны соседнего, двухэтажного корпуса, рядом с которым, насколько помнил Глеб, на территории заросшего сорняком больничного двора располагался основной спуск в бомбоубежище Тарана.

Рухнув за подвернувшуюся на пути ЗИЛовскую крышку, мальчик потянул за собой Аврору. Девочка сжалась в комок, зажав уши руками поверх противогаза, и испуганно взвизгивала каждый раз, заслышав посвист смертоносного свинца. Успокаивать подругу времени не было. Ничего, привыкнет еще. Глеб прижал к плечу приклад увесистого «Бизона» и, почти

не целясь, дал короткую очередь в направлении мелькавших на грани видимости силуэтов. С непривычки непослушный ствол повело куда-то в сторону и вверх. Удалось ли попасть в кого-либо, оценить в творившемся хаосе было невозможно. Зато припорошенный снегом асфальт в какой-то паре метров впереди вдруг вздыбился фонтанчиками каменной крошки, а воздух загудел от пуль.

Паренек с головой зарылся в снег, левой рукой нашарив и придавив к земле затылок скулящей под боком Авроры.

– Главное, не высовывайся! Лежи смирно!

Где-то слева отрывисто ухнул подствольник «калаша». Очень опасный звук, слышав который Глеб каждый раз непроизвольно вжимал голову в плечи. Мгновение спустя с позиции имперцев донесся грохот взрыва и крики посеченных осколками бойцов. Визг пуль разом поутих.

Неведомая сила рванула тело в воздух. Не успев опомниться, мальчик приземлился на ноги и только теперь заметил Геннадия.

– Ну-ка, ребятки, живенько в транспорт! Отдыхать опосля будем! – С легкостью закинув хрупкую Аврору на плечо, мутант подтолкнул Глеба к маячившей невдалеке громаде ракетовоза.

Запоздало вспомнив об отце, паренек с волнением зашарил взглядом по территории больничного двора. Родной сердцу армированный комбез мелькнул возле завалившейся набок газели «скорой помощи». Припав к прикладу АКМ, сталкер методично лупил одиночными, прикрывая отход группы.

По мере приближения к восьмисотсильному армейскому тягачу паника отступала, а угроза попасть в лапы к «зеленым» уже не казалась такой реальной. Бронированный, обвешанный пулеметами и защитными металлическими фермами мастодонт, в прошлой своей жизни служивший подвижной пусковой установкой межконтинентальных баллистических ракет «Тополь-М», внушал уверенность в благополучном исходе событий. После того как моряки Вавилона превратили транспорт в неприступную «крепость на колесах», за прочной броней тягача не страшно и с Ленинградским Почтальоном повстречаться! Что уж там о веганцах говорить... По борту грозной машины, прямо над огромными, в рост человека, колесами красовались аккуратно выведенные по трафарету буквы: «М А Л Ю Т К А».

Подходящее имя, что ни говори. Иронию моряков Глеб оценил еще в прошлую поездку через гибельные Южные Болота. Тогда многотонный ракетовоз походя перемолол в фарш «богомла», даже не заметив преграды.

Остановившись возле люка в жилой отсек, мальчик заметил под ногами кляксы крови поверх истоптанного снега. Чуть дальше, за укрытием из сложившегося пополам фонарного столба, обнаружился труп веганца с неестественно запрокинутой головой. Еще один остывший «зеленый» валялся ближе к корме «Малютки», все еще сжимая в руках монтировку. Слаженный огонь Индейца и Мигалыча застал незадачливых взломщиков врасплох, когда те пытались вскрыть водительскую кабину. Теперь же старый механик придиричиво осматривал зазубрины, оставшиеся на укреплённом листом брони дверце, и нахваливал предусмотрительных вавилонских техников.

– Башковитые, шельмы! На совесть сработали. А этот щеголь веганский даже не подумал фальшшторку сдвинуть! Рычаг замка-то вот он, прямо под носом!

Проявив завидную для своего возраста прыть, Мигалыч вскарабкался на водительское кресло и захлопнул дверь. Щелкнул запорный механизм, отделяя старика от внешнего мира. Спустя считанные секунды взревел двенадцатицилиндровый турбированный движок, выхлопные трубы бодро пыхнули черной гарью отработанного дизтоплива, и проснувшийся железный монстр неторопливо стронулся с места.

Пока Безбожник помогал подросткам забраться в жилой отсек – цельнометаллический герметичный короб с забранными бронестеклом бойницами, приваренный к средней части вытянутого восьмиосного шасси, – Индеец с Дымом уже хозяйничали внутри обнесенного решетками открытого кузова, расчехляя станковые пулеметы.

Однако огневая поддержка не потребовалась. Таран, пригибаясь, резвой трусцой пересек открытый клочок пространства и на ходу вскочил на борт. Набирая ход, машина устремилась в проем между больничными корпусами. Расплющив, походя, ржавеющий под открытым небом мусорный контейнер, подмяла внушительный сегмент больничной ограды, бесцеремонно оттерла на обочину припаркованный еще в довоенные времена «лэндкрузер» и неуклюже вырулила на Авиационную.

Редкие хлопки выстрелов остались где-то позади. Незадачливые преследователи, высыпав из подвала, открыли по беглецам беспорядочную пальбу, но что толку... Для брони «Малютки» автоматный калибр – все равно, что слону дробина.

Из динамиков внутренней связи донесся дребезжащий старческий голос. Удостоверившись, что все на борту, Мигалыч в горячке боя забыл про включенную трансляцию и теперь, отчаянно фальшивя, напевал бодрую песню про загадочного «красного командира» по фамилии Щорс. «Или это прозвище? Возможно, некий коммунист со Звездной... – решил для себя Глеб. – Надо будет при случае разузнать, что же это за сталкер, про которого даже песни славают».

Но сейчас паренька занимало совсем другое – что же такого все-таки сказал Терентьев Тарану, что тот так спешит покинуть город?

Тягач внезапно качнулся и встал. Мальчик едва успел ухватиться за край прикрученного к полу металлического стола, а нерасторопный Безбожник таки скатился со скамьи, больно ударившись лбом о стенку оружейного шкафа.

Индеец прильнул к иллюминатору, сквозь мутное стекло силясь разглядеть неожиданное препятствие. Аврора заняла соседнюю бойницу, однако, как и дикарь, не особо преуспела в этом занятии.

– Пойдем! – Глеб дернул девочку за рукав и через соединительный ходок устремился к штурманской кабине.

Плюхнувшись на продавленное сиденье, мальчик крутанул рычажок напротив лобового стекла. Защитные шторки повернулись, открывая для обозрения участок запорошенной дороги... и десяток рослых, в защитного цвета комбезах, сталкеров, что стояли, растянувшись поперек улицы редкой цепочкой. У каждого в руках – автомат, все как один выцеливают приближающуюся машину.

– Веганцы? Тогда почему не стреляют? – донеслось сзади.

Примостившись за спинкой кресла, Аврора с опаской косилась на чужаков.

– У «зеленых» экипировка побогаче, да и шлемы почти у каждого, – возразил Глеб. – А у этих одни противогазы... Сдается мне, приморцы в гости пожаловали.

– Зачем?

– Если б я знал... Давай посмотрим.

Подростки притихли, наблюдая за тем, как вперед вышел командир отряда, плечистый здоровяк с перемотанной маскировочной лентой СВД⁶ за спиной. Таран отчего-то не спешил покидать «Малютку». Спустя полминуты томительного ожидания неожиданно захрипел рупор внешнего динамика, установленный на крыше тягача. Глянув налево, Глеб заметил наемника в соседней, водительской, кабине. Приняв протянутый Мигалычем микрофон рации, Таран заговорил:

– Шугай, ты?

---

⁶ Снайперская винтовка Драгунова.

Рослый боец кивнул.

– Чем обязан? – В голосе наемника сквозило раздражение. – Опять с Торговым городом не поделили чего?

Приморец медлил с ответом. Быть может, его просто не слышно за толщей брони? Да нет, внешние микрофоны исправно улавливали монотонный вой ветра и даже пощелкивание остывающего двигателя. На мгновение мальчику показалось, что командир вновь прибывших смотрит не на ракетовоз, а куда-то мимо... Хотя за намордником противогоза особо и не разбираешь...

– Не ломай комедию, сталкер, – донесся наконец приглушенный маской голос. – Ты знаешь, зачем мы здесь.

Мальчик затаил дыхание, боясь пропустить хоть одно слово здоровяка.

– Не знаю и знать не хочу, – холодно отрезал Таран. – Расступись, пехота. А то помнем кого ненароком...

Командир приморцев поднял руку в предупреждающем жесте, всем видом показывая, что разговор еще не окончен.

– Ты слышал, что Веган развязал войну? – Не дожидаясь ответа, боец заговорил громче. – А еще эти выродки объявили на тебя охоту. Боятся, что разболтаешь их секреты.

– Спасибо, я уже догадался. Ближе к теме, Шугай.

– Альянсу нужна твоя помощь, Таран. Или услуги... Это как сам решишь.

Сквозь шелест статических помех донесся еле различимый тяжелый вздох. Слова давались наемнику с трудом.

– Извини, брат. Заказы сейчас не беру. Своих проблем по горло.

– Ты один побывал по обе стороны! – не унимался приморец. – Видел оборону Вегана, огневые точки, склады боеприпасов... Знаешь расклад сил, в конце концов! Ты просто обязан предоставить Альянсу всю имеющуюся информацию!

– Возвращайся назад, Шугай. У меня есть дело поважнее. И ни минуты лишнего времени.

– Важнее, чем война?

– Ты меня слышал.

– Тогда я вынужден арестовать всех вас и конфисковать транспорт! Открывайте люк и вылезайте по одному, иначе...

– Иначе что? – не дослушал Таран. – Ляжешь под колеса? Не дури, приморец. Забирай своих солдатиков и вали домой. Сегодня не твой день.

Однако тот будто врос в землю, не сдвинувшись ни на дюйм.

– Ты не оставляешь мне выбора, наемник! У меня приказ – доставить тебя живым или мертвым. Так что решай – либо Альянс, либо Веган!

– Негусто с вариантами... Но я выбираю третий.

Видимо, дальнейшую беседу Таран счел бесполезной, поскольку двигатель снова взревел и махина тягача, вздрогнув, медленно покатила на бойцов оцепления. Приморцы попятились, продолжая выцеливать ракетовоз, но огонь не открывали.

– Ты слишком много знаешь, чтобы оставаться в стороне! – надрывался Шугай сквозь рокот мотора. – И пусть мне придется применить силу, но Империя об Альянсе ничего не разнюхает!

Подавшись вперед, Глеб не спускал глаз с командира отряда. Теперь сомнений не оставалось – здоровяк, задрав голову, снова косился куда-то вверх. Затем вдруг что-то отрывисто скомандовал и вместе с бойцами бросился к руинам ближайшего дома.

Паренек не утерпел. Чтобы откинуть крышку потолочного люка и взобраться в башню управления пулеметной спаркой, много времени не требовалось. Несколькими секундами позже он уже подслеповато шурился от слишком яркого для подземного обитателя света, до рези в глазах всматриваясь в налившееся свинцом небо сквозь прутья защитного колпака.

Изломанные края обледенелых крыш наплывали друг на друга, двоились и подрагивали, но взгляд все же зацепился за одинокую фигуру в оконном проеме предпоследнего этажа. Человек с продолговатой трубой на плече застыл каменным изваянием, и лишь повязка с эмблемой Приморского Альянса трепетала на ветру, выдавая прятавшегося с головой.

Глеб не видел, как в пулеметном гнезде над водительской кабиной появилась фигура Тарана. Как зарыскали, отыскивая жертву, дула спаренных «Кордов»...

Со стороны больницы послышался утробный, полный звериной ярости рев. Огромное нечто на шести суставчатых лапах, эдакий таракан-переросток в бугристом панцире, стремительно приближалось к тягачу, играючи сворачивая на ходу фонарные столбы. Следом за диковинным мутантом рысало сразу двое веганцов-поводырей, облаченных в балахонистые ветровки с объемными капюшонами.

В другой ситуации «зеленым» вряд ли бы кто обрадовался, но сейчас именно их появление спасло беглецов от попадания в борт ракетовоза кумулятивной противотанковой гранаты, готовой в любой момент сорваться с пускового устройства в стремительный и смертоносный полет. Гранатометчик вздрогнул, заслышав боевой клич призванного на охоту хищника, но быстро совладал с эмоциями и снова навел «Муху»⁷ на бронированную цель.

Мальчик до последнего был уверен, что выстрела не последует. «Ведь у нас общий враг – Империя Веган! Зачем союзникам убивать друг друга?! Они что, все с ума посходили?! Это неправильно!»

Однако взрослые считали иначе. Секундного замешательства приморца Тарану хватило, чтобы завершить прицеливание и нажать на гашетки.

Изъеденная ветрами стена здания вскипела от множества попаданий. Родившись внезапно, свинцовый ураган хлестанул по оконным откосам, небрежным мазком, словно тряпичную куклу, смел гранатометчика и, расписав потолок комнаты фейерверком алых брызг, так же стремительно стих.

Все происходящее походило на непрекращающийся страшный сон, ночной кошмар, вырваться из которого никак не удавалось. Вразнобой затрещали автоматы приморцев, выбивая из бронированного борта снопы искр. Взлаяли, отвечая, забились в ритмичных судорогах тяжелые «Корды». Вот метнулся вдоль стены командир приморцев. Кубарем прокатившись по земле, поднял выпавший из окна гранатомет, обернулся...

Султаны разрывов, распахав асфальт двумя ровными дорожками, настигли Шугая, миг перерубив бойца пополам.

– Нет! – запоздало крикнул Глеб, скатываясь по лестнке внутрь кабины. – Нет!!!

Сейчас ему больше всего хотелось заглянуть в глаза нареченного отца. Заглянуть и спросить, каково это – отнимать жизни невинных людей? Людей, с которыми, быть может, еще неделю назад перекидывался новостями, навевываясь на станции Альянса? Вот так запросто взять и застрелить человека лишь за то, что он попросил о помощи?!

Тягач разгонялся все быстрее, оставляя позади клубы дыма, дезорганизованных приморцев и место жуткой трагедии, в одночасье ставшей для путешественников точкой невозврата. С легкой руки Тарана беглецы превратились в изгоев.

---

⁷ Реактивная противотанковая граната РПГ-18.

Глава 2

Алфей

Не таким представлялось Глебу долгожданное путешествие. Не о душном стальном нутре жилого отсека, скорее похожего на вместительный комфортабельный гроб, мечтал он все эти дни. Воображение рисовало бесконечные просторы верхнего мира, пронсящиеся за окном, водительское кресло и баранку руля... На худой конец, пулеметное гнездо во внешнем, открытом ветрам, кузове или планшете с картой, небрежно разложенной поверх торпеды в штурманской кабине... А вместо этого пугающе хмурый Таран, не дав вымолвить ни слова, отчитал за своевольную вылазку в огневую башню, усадил за стол, настрого запретив покидать пределы кают-компаний, и снова скрылся за переборкой – ушел помогать Мигалычу с прокладкой курса за пределы города.

Ничего не оставалось, как сидеть и ждать, ковыряя пальцем обитую жестью столешницу. Металл под руками приятно охлаждал кожу, но не мог остудить жар переживаний, снедавших душу изнутри. Как же так? Стоило только привязаться, прикипеть к этому одинокому нелюдимому отшельнику всем сердцем, как тот, словно испугавшись зародившегося чувства, отгородился от приемного сына монолитной стеной безразличия и напускной грубости.

«Приемного»... Слово-то какое... Неудобное и обжигающе холодное даже будучи пронесенным мысленно, резануло слух, возвращая в реальный мир. Мир, полный боли и одиночества. Мир, в котором, потеряв однажды семью, обрести ее вновь можно только понарошку. Выстроить самодельный кукольный домик, населить воображаемыми жильцами, сыграть и бросить, когда наскучит...

Глеб поднял глаза. Аврора сидела напротив. С готовностью поймав взгляд, посмотрела участливо и еле заметно улыбнулась самыми краешками побледневших губ. Замерзла, наверное... А сказать боится. Терпит. Потому что тоже одна. И тоже – «семья понарошку»...

Соскочив с нагретой телом скамьи, мальчик метнулся к кофру с одеждой, выудил из вороха тряпок байковое одеяло поцелее и накинул на хрупкие девичьи плечи. Аврора с благодарностью кивнула, робкая улыбка на отливающем белизной лице стала шире.

– Ты не переживай, – шепнула она, когда Глеб устроился рядом. – Все образуется. Вот увидишь.

Наверное, следовало что-то ответить, хотя бы из вежливости, но настроение стремительно катилось под откос и, как назло, в голову не приходило ничего путного. А потом стало не до дружеских бесед. Тягач в который раз за сегодняшний день остановился, а динамик селектора затарахтел привычной скороговоркой Мигалыча:

– Все, братцы! Привал. Кишки жуть как воют – всю живность, поди, распугали! Дежурному по камбузу просьба поторопиться!

Из-за отгородки в углу показался на миг Геннадий с поварешкой в руках и, загадочно ухмыльнувшись, вернулся к приготовлению обеда. Однако с трапезой вышло не так гладко, как представлялось старику-путейцу в его сладких мечтах. Когда члены экипажа подтянулись со всех закутков огромного транспорта, в кают-компанию разом стало тесно и душно. Тяжелый взгляд наемника не добавлял комфорта. Мысли о еде пришлось отложить на потом.

– У вас, думаю, накопились вопросы, – начал Таран без предисловий. – Самое время, пожалуй, их задать.

Глаз он не поднимал, но и без пояснений было ясно, кому адресована реплика в первую очередь. Однако Глеб, насупившись, молчал. То ли перегорел, то ли обида и разочарование перебороли любопытство...

Казалось, замешательство мальчика передалось остальным. Никто не решался говорить с командиром в открытую. Но вот шевельнулся Безбожник. Задумчиво потер подбородок, прочистил горло, решительно сплюнув под ноги.

– Я так понимаю, обратно в метро нам теперь дорожка заказана?

– Отчего же? Веганцам параллельно, кто вы и откуда. Да и приморцы сквозь железо глядеть пока не научились. Видели только тягач и меня. Да вот Глеба еще, пожалуй... – добавил наемник, помедлив. – К остальным претензий, думаю, не будет.

– Зачем? – не выдержал паренек. – Зачем ты убил их?

Глаза его полыхнули огнем.

Дернувшись, как от оплеухи, Таран поднял было голову, но так же быстро совладал с эмоциями и снова принялся сверлить взглядом столешницу.

– Ты все видел, Глеб. Либо мы их, либо они нас, – в голосе наемника угадывалась тщательно скрываемая горечь. – Я до последнего считал, что Шугай нас пропустит...

– Поэтому, как обычно, пошел напролом.

– У него был приказ. Уговоры тут вряд ли бы помогли.

– Ты сказал «вряд ли»? – переспросил мальчик. – Значит, все-таки оставался шанс решить дело миром?

– Или вовсе отложить экспедицию до лучших времен, – неожиданно поддержал Безбожник. – Пацан дело говорит.

Пришла очередь Тарана отмалчиваться. Стремительным ручейком проносились секунды, неумолимо утекая сквозь сито времени, а негласный лидер все медлил с ответом.

– О чем все-таки вы с Тертый шептались? – вступил Индеец. – Это ведь из-за него мы так шустро из города удрапали?

– Из-за него, – поспешил сменить тему наемник. – История мутная... но если дело выгорит...

Все услышанное далее воспринималось с трудом. Слишком уж невероятными оказались новости.

– С момента гибели Пахома многое изменилось. – С каждым произнесенным словом Таран мрачнел все больше. – За какую-то пару недель коммунисты расчистили завал в Красном Пути. Тот самый, что перекрыл доступ к кабельному коллектору и Пулковской обсерватории.

– И конечно же кто-то сразу сунулся в схрон Черного Санитара, так? – не удержался от комментариев Индеец. – Вот только зачем? Ведь ты рассказывал, что внутри все выгорело?

– Все, да не все... как оказалось. Тертый отправил своих людей на зачистку обсерватории, а те нарыли кое-что любопытное.

– Терентьев? Из Торгового Города? Ему-то что за интерес?

– Этот проныра снюхался-таки с руководством Эдема, – вступил Геннадий. – Скрытую торговлю налаживает, бизнесмен липовый... И сдастся мне, это они Тертый настропалили насчет обсерватории. Хвосты за Черным Санитаром подчищают, шифруются.

Наемник кивнул:

– Именно так. Задача поисковой группы состояла в том, чтобы изъять с объекта любые упоминания об Эдеме. В результате у ученых подземного комплекса оказался жесткий диск с компьютера Пахома. А в уцелевших кластерах – логи обмена данными со шпионским микроспутником. Тем самым, о котором Пахом рассказывал перед... перед тем как...

Таран запнулся, кинув осторожный взгляд на Аврору. Но девочка на упоминание о смерти отца отреагировала спокойно, едва заметным кивком призывая рассказчика продолжать.

– К одному из перехваченных аппаратурой сообщений был приложен отчет некоего ученого о ходе работ над проектом с интригующим названием «Алфей». Подробности Тертый

сообщить не успел, но суть разработки, как бы это фантастично ни звучало... – наемник окинул взглядом сидящих, собираясь с духом, – в изобретении способа нейтрализации радиации.

Хирург неопределенно хмыкнул, почесал заросший щетиной подбородок. На лице его отразилось крайнее недоумение.

– Я, конечно, далек от физики, но речь, судя по всему, о каком-то новом сорбенте из тех, что применяются при дезактивации почв, – предположил Безбожник после затянувшейся паузы. – Вот только, братцы, дело это долгое и хлопотное. Не одного года и даже десятилетия. А после обработки, когда радионуклиды связаны раствором, зараженный грунт все равно вывезить куда-то надо... Тут техника нужна. Много техники. Бульдозеры, экскаваторы, грузовики... В масштабах целого города – пустая затея.

– А что, если этот «Алфей» действительно нетра... нейтра... ну, уничтожает радиацию? – от волнения слова в голове Глеба путались и упорно не желали складываться в удобоваримые фразы. – Прибор какой-нибудь или установка... Помнишь, Аврора, ты же рассказывала про похожую штуковину? «Пылесос» называется!

Девочка прыснула со смеху, но быстро взяла себя в руки, заметив, как смешался напарник.

– Пылесос тоже грязь не уничтожает, а всего лишь собирает. А что касается нейтрализатора радиации, то подобной... «штуковины» в природе существовать не может, – пояснила она, старясь говорить нарочито медленно и доходчиво. – Время распада ядер радиоактивных элементов – величина постоянная, и ускорить этот процесс невозможно. Существует даже такое понятие – период полураспада, который, к примеру, для «цезия-137» составляет...

– Не части, дочка, – вклинился Безбожник. – Все и так ясно. Тех, кто не в курсе, позже просветишь. Думаю, сейчас более интересны подробности разговора с Терентьевым. Он что-нибудь еще рассказал об этом расчудесном «Алфее»?

Хирург вопросительно посмотрел на Тарана, но тот лишь отрицательно помотал головой.

– И ты готов бросить все и катить не пойми куда ради какой-то полумифической технологии, более похожей на сказку?

В наступившей тишине стал различим монотонный шелест ледяной крошки, что под порывами шквального ветра скреблась и стучала по броне ракетовоза, словно живое существо. Аккомпанируя бушующим внутри кают-компании страстям, за бортом разыгралась нешуточная пурга.

– Ради чего? – продолжал давить Безбожник, так и не дождавшись ответа. – Прихоть ботанов из чудо-бункера? Не много ли чести этим подземным крысам?

– С Эдемом как раз все понятно, – задумчиво пробасил Геннадий, катая меж пальцев поварешку. – Им не выгоден грядущий конфликт, не нужны жертвы. Боятся потерять защитный буфер между комплексом и поверхностью. Если предположить, что «Алфей» – реально существующая технология, причем настолько действенная, что в состоянии очистить хотя бы малую часть верхнего города, Веган осуществит свою заветную мечту – переберется на поверхность. Война за свободное жизненное пространство прекратится сама собой.

– То есть, чем быстрее мы отправимся на поиски, тем больше шансов по возвращении застать в подземке хоть кого-то живого... – подытожил Индеец. – Кстати, далеко пилить?

– А вот здесь кроется еще одна проблема. Точных координат лаборатории в сообщении не оказалось. Однако, прошерстив отчет, аналитики Эдема по косвенным признакам установили примерный район поиска. Называть его Тертый по телефону не стал, побоялся возможной прослушки. Но весьма конкретно намекнул... – Таран снова поймал взгляд сына. – Глеб, он сказал, ты знаешь, где искать.

– Я? – только и смог вымолвить мальчик, вмиг растеряв остатки гнева. – Но...

Под изумленными взглядами окружающих он смешался окончательно и только разевал рот подобно рыбе, выброшенной на берег.

– Вспоминай, когда видел Терентьева последний раз? Он о чем-нибудь подобном рассказывал? Может, называл места какие, координаты, цифры?

Глеб в растерянности пожал плечами, отчаянно пытаясь восстановить в памяти детали злуполучной встречи на Сенной.

«Ни о какой лаборатории дядя Витя не упоминал. Хотя, когда это было? Как раз после скитаний по подвалам Апраксина двора, то есть гораздо раньше контакта Тертого с безопасниками Эдема! Тогда что тот имел в виду, заявив, что я знаю, где искать?»

Судорожные размышления мальчика прервал вкрадчивый и отрезвляюще строгий оклик отца:

– Давай, Глеб! Ты ведь знаешь, о чем идет речь.

– Но откуда? Ни о чем таком мы не говорили! Я действительно не понимаю...

Напоровшись на пристальный тяжелый взгляд, паренек внезапно замолчал.

– Или просто не веришь в историю с «Алфеем». – Теперь в голосе Тарана сквозил лед. – Думаешь, повернем обратно? Я уже говорил и повторю еще раз – это не наша война.

– Я ничего не скрываю! Дядя Витя что-то напутал и...

– Как ты не можешь понять, что предотвратить кровопролитие гораздо важнее, чем в нем участвовать?!

– Кто бы говорил... – пробурчал Глеб, насупившись. – С Шугаем ты особо не церемонился.

Обстановка накалилась до предела. Таран, не привыкший убеждать, злился все больше. Паренек, напротив, выглядел донельзя растерянным, а на глазах уже поблескивала предательская влага.

Покряхтывая, поднялся со своего места Мигалыч, расправил шуплые плечи, стянул с седой головы потрепанный, с торчащей из многочисленных прорех ватой, танкистский шлем. Решительно шагнув к столу, постарался придать себе максимально строгий вид. Елочка кустистых бровей при этом комично уползла к переносице, а островерхие уши заалели от волнения.

– Чего раздухарились, петухи? Хватит препираться! Ты, Глеб, мал еще старших попрекать. А тебе, командир, пора бы уже обороты сбавить. Не дави на мальчика. Видно же, что не врет. А вспомнит что – сам расскажет. Расскажешь ведь?

Глеб, шмыгнув носом, с готовностью закивал. Несколько томительно долгих секунд Таран продолжал сверлить сына взглядом, затем, не сказав ни слова, покинул кают-компанию.

– Дела... – вздохнул Индеец. – И куда теперь?

– А вариантов не шибко много. – Мигалыч водрузил шлем на голову, сдувая упавший на нос клочок ваты. – Из города выбирались на восток, минуя Южные болота. Встали на Мурманском шоссе. Значит, по нему и двинемся пока. В лес ломиться смысла нет.

Старик вдруг насторожился, подозрительно принохиваясь.

– Кажись, паленым потянуло...

– Мое рагу! – Дым всплеснул руками и ринулся к кабинке камбуза, едва не своротив могучим плечом стеллаж с инструментами.

Сработанная на совесть конструкция жалобно звякнула, но осталась на месте. Подмигнув Глебу здоровым глазом, Мигалыч бодро заковылял вслед за мутантом, оценивать последствия ущерба.

Обед прошел в гробовом молчании. Перекусывали наскоро, даже не похвалив Геннадия за проявленные кулинарные способности. Просто разобрали порцайки и разбрелись, кто куда, по углам и клетушкам. После шумного отъезда и весьма эмоционального совещания разговор не клеился. Хотелось немного прийти в себя, поразмыслить над новостями, обвыкнуться в непривычной обстановке.

Непрекращающаяся тряска и монотонный гул двигателя комфорта не добавляли. Жилой отсек мотало из стороны в сторону, незакрепленное снаряжение кочевало вдоль всего тягача по немислимым траекториям, а пассажиры, набив уже не по одной шишке, чувствовали себя немногим лучше килек, закатанных в катящуюся с горы консервную банку.

«Малютка», ведомый опытным Мигалычем, упорно штурмовал поросшую жидким подлеском заснеженную просеку, все дальше пробиваясь по остаткам Мурманского шоссе на восток. С каждым пройденным километром препятствий в виде заметенных снегом авто и массивных коробов грузовых фур становилось все меньше. Город остался далеко позади, и брошенная давным-давно техника попадалась на пути все реже и реже.

Вскоре многотонный ракетовоз перестало штормить, и экипаж под неусыпным контролем Тарана принялся обживать новый «дом». Колонисты Мощного в свое время приложили массу усилий, тотально переоснащая тягач для разведывательных рейдов вглубь диких территорий. Под слоем брони изобретательные механики умудрились спрятать внушительное количество полезных систем, начиная от установки водоочистки и заканчивая мудреной схемой отвода тепла от двигателя, используемого для обогрева жилого отсека. Защита от агрессивных внешних сред – кислотных дождей, отравленного воздуха и радиационного излучения – добавила ракетовозу не одну сотню лишних килограммов, однако герметичные двери, приточная вентиляция с фильтровальной установкой и слой свинца, которым были проложены стены отсеков, позволяли при необходимости проскочить зараженные участки без угрозы для жизни пассажиров.

На своем долгом веку Мигалыч повидал много всевозможной техники, а в лихие довоенные годы даже летчиком-испытателем умудрился поработать, но от чудо-машины вавилонян, проинспектировав ее в первый раз, пришел в неописуемый восторг. С тех пор старик не уставал расхваливать тягач на все лады, и мог делать это часами. Запомнить все перечисленные пожилым путейцем достоинства «Малютки» Глеб даже и не пытался, но самые полезные качества – повышенную проходимость и дальность хода – уже успел оценить. Многоосное шасси и полуметровый дорожный просвет позволяли без особых проблем двигаться по пересеченной местности, преодолевать снежные наносы и даже целые полосы поваленного ураганами леса. Железнодорожная цистерна с горючим, приваренная к шасси в передней части тягача, как раз на том месте, где когда-то покоилась головная часть межконтинентальной баллистической ракеты «Тополь-М», съедала весомую часть полезной нагрузки, но зато обеспечивала модифицированному транспорту практически неограниченный запас хода.

Двадцать тонн восстановленного, но вполне пригодного, дизтоплива... Целое состояние по меркам любой обитаемой станции подземки. Приморцы предпочли умолчать о том, где раздобыли столь внушительный запас горючки, с которой даже у вездесущих мазутов с «Технологии» было весьма напряженно. Не иначе как наткнулись на неразграбленное подземное топливохранилище на окраинах города. В любом случае щедрое предложение Альянса застало Тарана врасплох и пришлось весьма кстати. Да и цена оказалась вполне приемлемой – информация о разведанных чистых землях. Правда, с учетом неудавшейся «отвальной», вряд ли прежние договоренности останутся в силе. Теперь приморцев устроит разве что голова строптивного наемника на эшафоте, да и то при условии, если после войны с Империей Веган будет кому проводить экзекуцию...

Глеб, не отставая от остальных, выбивался из сил, выполняя сыплющиеся от отца и путейца поручения. Закончив с починкой драных спальников, он принялся помогать Авроре с инвентаризацией съестных припасов. Затем вместе с Индейцем до одури отдраивал стены отсеков от пятен ржавчины, пока руки не заныли от усталости. Время летело незаметно, и шанс поглазеть на проплывающие за окном просторы внешнего мира подвернулся лишь ближе к вечеру, когда вокруг стемнело настолько, что разобрать что-либо в сгустившемся сумраке,

сколько ни вглядывайся, уже не получалось. Однако отказываться от возможности совершить вылазку наружу паренек не собирался и потому с готовностью вызвался помогать Дыму с починкой лебедки, установленной во внешнем кузове.

Таран не возражал, поэтому уже через несколько минут мальчик стоял возле входа в шлюзовую камеру, облаченный в химзу и пахнущий тальком противогаз. Мутант по обыкновению «намордником» пренебрег и, втиснувшись в крошечный для его габаритов переходной тамбур, первым ступил в клеть кормовой платформы. Затем, наконец, настала очередь Глеба.

Стоило приоткрыть неподатливую створку внешней двери, как по ушам ударил басовитый рокот движка. На коротком, в три ступеньки, трапе и решетчатых металлических мостках поблескивал лед. Забранный мутным оргстеклом фонарь освещал небольшой пяточок припорошенного снегом пространства платформы. Силуэт Геннадия чернильным пятном маячил у дальней стенки кузова, сквозь шум мотора уже доносился лязг железа.

Перебирая руками по заиндевевшим перилам, мальчик осторожно спустился с лестницы. Несмотря на наличие защитной клетки, стоять посреди покачивающейся в унисон с ракетовозом платформы было жутковато. Того и гляди, снесет внезапным порывом ветра к самому краю, а там поди узнай, какие опасности поджидают по ту сторону решетки... По бокам, вплотную подступив к шоссе, неторопливо проплывали взметнувшиеся до небес стены густого леса, создавая иллюзию путешествия по дну величественного каньона. Лучи прожекторов бесцельно шарили по раскидистым ветвям могучих исполинов, рождая зловещие тени и навевая самые мрачные мысли.

Поежившись, Глеб заспешил к Геннадию. Вдвоем торчать на продуваемой ветрами платформе всяк веселее. Из рта мутанта валил пар, кувалда в перевитой узлами мышц ручище порхала невесомым перышком. Несколько точных ударов хватило, чтобы сбить шляпки приржавевших к пандусу крепежных болтов. Играючи подняв в воздух демонтированную лебедку, Дым повертел механизм так и сяк, придирчиво осмотрел катушку с бахромой измочаленного троса и повернулся к напарнику:

– Что скажешь?

– Придется повозиться. Перебирать надо. Гайки старые, но попытка – не пытка. Сейчас, только разводной ключ достану.

Мальчик с готовностью полез в сумку с инструментами. Затем помог придержать треногу, пока напарник сражался с валом барабана. Увлеченный ремонтом, Глеб не сразу расслышал невнятное бормотание Дыма.

– Что? – переспросил он на всякий случай.

– Я говорю, видал как-то у торговли одной с Электросилы травку лечебную. Еще довоенного производства! Говорят, если заварить – вкус как у настоящего чая! И цена, правда, как у настоящего... Иначе бы обязательно прикупил на пробу! «Шалфей» – слышал про такую? Я еще упаковку запомнил. Так, на всякий случай. Мало ли, разбогатею в экспедиции?

Встретив непонимающий взгляд мальчика, он продолжил:

– Я к чему клоню: может, та штуковина из отчета тоже как-нибудь с медициной связана? Шалфей – Алфей... – Мутант покатал слово на языке, прислушиваясь к ощущениям, словно это могло пролить свет на суть загадочной разработки. – Что ни говори, чудное название.

– Река... – задумчиво произнес Глеб, провожая взглядом сливающиеся с сумеречным небом макушки вековых елей.

– Что?

– Так называлась река, с помощью которой Геракл очистил Авгиевы конюшни...

– Геракл? – переспросил Дым. – Не слышал про такого. С какой станции? Хотя и так ясно, что мазут. Толковые водопроводчики сейчас на вес золота...

Слушая вполуха, мальчик полез в разгрузку за отверткой, когда из недр кармана вывалился овальный клочок чудом сохранившейся глянec фотобумаги. Глеб чертыхнулся, пытаясь

вернуть найденный в Кронштадте трофей на законное место, но очередной порыв ветра, словно шкодливый щенок, подхватил снимок со снега и утащил в противоположный угол кузова.

Не колеблясь ни мгновения, мальчик ринулся вдогонку. Когда до фотографии оставалось не больше пары метров, на заградительную решетку с внешней стороны шлепнулась увесистая чернильная клякса. Прутья гулко завибрировали, а черная субстанция невнятным комком стекла чуть ниже и замерла на месте, будто примерзнув к выстуженной ледяным ветром арматуре. Глеб отшатнулся. Не удержавшись, приземлился на спину. Пистолет-пулемет ощутимо врезался в бок.

От пятна мрака отделилась тонкая ложноножка и, проникнув за решетку, осторожно потянулась к ботинку. Гадливо отдернув ногу, подросток откатился назад. Дуло «Бизона» как назло зацепилось за край мешковатого комбеза, мешая выпростать оружие из-под одежды. Остервенело дергая ремень, Глеб оглянулся. Дым уже несся на выручку, зажав в огромной лапе треногу от лебедки. Однако слой наледи на металлическом настиле сыграл с гигантом злую шутку. Нелепо взмахнув руками, тот кувырнулся на мостки, а тренога по затейливой траектории устремилась в воздух, звякнула о решетку в считанных сантиметрах от агрессора, не причинив тому никакого вреда, и упала на дно кузова.

Тем не менее, существо среагировало на удар, шустро переместившись на потолок клетки. В свете фонаря мелькнули короткие шипастые лапки, зловещее цоканье хитина о металл сменилось пронзительным стрекотом. Высвободив наконец «Бизон», паренек прицелился. Пятно мрака маячило где-то наверху, практически над головой. Значит, стрелять опасно. Если тварь ядовитая и загваздает требухой противогаз или, того хуже, что-нибудь протечет под химзу, проблем не оберешься.

– В сторону!

Тело отозвалось на команду быстрее, чем рассудок осознал произошедшее. Рефлекторно кувырнувшись вбок, Глеб не видел, как паразита смело с решетчатой фермы. Грохот одиночного выстрела резанул по ушам, простучали по арматуре осколки хитина. Мальчик задрал голову. Комок слизи на прутьях и свисающий с крыши ус ложноножки – вот и все, что осталось от неожиданного гостя.

Злополучный снимок по-прежнему лежал у края платформы, рискуя в любое мгновение кануть во мрак за пределами кузова.

Геннадий уже был на ногах и сигналил кому-то рукой, мол, все в порядке. Глеб обернулся, вглядываясь в темень. Внутри обзорной клетушки на крыше жилого контейнера шевельнулась фигура стрелка, приросшего к прицелу снайперки. Все верно – Таран не мог обойтись без страховки.

– На сегодня хватит приключений. – Дым отряхивался, сердито косясь на раскуроченную лебедку. – Утром доделаем. Нечего впотьмах шариться.

Командир встретил их на пороге шлюзовой камеры. С облегчением стянув противогаз, Глеб обтер рукавом влагу с опрешшей кожи, виновато посмотрел на отца. Но тот, похоже, ругаться в этот раз не собирался. Хотя и не за что особо. Сам ведь отпустил проветриться!

– «Клеща» чуть не словили! – в сердцах бросил Дым, кидая на пол сумку с инструментами. – Здоровый такой, красавец!

Обеспокоенность на лице Тарана сменилась любопытством, стоило опустить взгляд на руку сына с клочком бумаги в кулачке. Уловив немой вопрос, мальчик разжал пальцы, положив трофей на край стола.

– Наклейка с сувенирной тарелки, – пояснил он. – Из Кронштадта. Помнишь?

Бухта с остроносими кораблями, гавань в огнях, городские кварталы... Этот панорамный вид сталкеру был отлично знаком, поскольку Глеб часто проводил вечера, подолгу разглядывая снимок из прошлого.

– Скажи, а ты когда-нибудь показывал ее Тертому? – вкрадчиво поинтересовался Таран. Из глубин памяти всплыла отчетливая картинка – заваленный бумагами дощатый стол в пыльном кабинете, треснутый стакан с чайниками на дне, пластмассовая коробка таймера, который Глеб так неудачно приволок начальнику Сенной, спутав с настольными часами... А рядом... она! Наклейка...

«Ну точно! Мешалась, когда вытаскивал презент, – так и ощутилась на столе! Терентьев еще вертел ее в руках, когда песочил за таймер!»

Глеб собрался было поделиться воспоминаниями, но Таран уже и так все понял по глазам сына.

– Ну что ж... Вот и сложилась головоломка. Теперь, по крайней мере, известно, где искать этот научный центр. А Тертый тоже хорош, конспиратор хренов! Не мог сразу сказать...

Члены отряда переводили взгляд с одного на другого, непонимающе хлопая глазами.

– Глеб, не вижу радости. Ты ведь мечтал... хоть одним глазком?... – сталкер кивнул на поблекшую фотографию.

Теперь на предмет разговора были устремлены взгляды всего экипажа. Успев за долгое время изучить каждый уголок, каждую деталь волшебного рисунка с пугающе красивой панорамой прибрежного города, мальчик с волнением посмотрел чуть ниже, где красовалась короткая, но оваянная тайной подписью – «ВЛАДИВОСТОК».

Глава 3 Облако

Снег, серый от бетонной пыли и копоти городских руин, здесь отливал белизной и искрился в лучах солнца, что изредка пробивалось сквозь пелену угрюмых туч. Непроницаемым пологом затянув пространство просеки от одного края леса до другого, он сгладил угловатые очертания притулившейся у обочины постройки, разровнял неровности рельефа, укрыл от глаз кюветы, насыпи, дорожные вешки, и лишь столбы ЛЭП с бахромой обледенелых проводов служили неммым напоминанием о покоящемся под снежным настом шоссе. Нечастое в этих краях безветрие и тишина, нарушаемая лишь потрескиванием веток на морозе, добавляли и без того идиллическому пейзажу безмятежности и спокойствия.

Правда, было в этой обманчивой красоте что-то неестественное. Нечто пугающее таилось за умиротворяющим безмолвием дивного места. Не доносился из чащи бодрый перестук дятлов, не шебуршали в корнях деревьев полевки, и даже расплодившиеся без меры мутоволки не оглашали окрестности заунывным воем. Отсутствие следов животных на нетронутом снежном полотне указывало на один неоспоримый факт – в воздухе притаилась невидимая смерть. Свирепый хищник, идеальный охотник нового мира, безраздельно властвующий на выжженных просторах планеты с момента исчезновения ее прежних хозяев...

Видоизменившись до неузнаваемости под действием высокого радиоактивного фона, местная флора уже мало чем напоминала деревья в классическом понимании этого слова. Скрученные, раздавленные вширь и ввысь стволы с шишковатыми наростами выглядели пугающе чуждыми, неземными, а переплетение шипастых веток, непроглядной стеной обступивших дорогу, скорее напоминало многорядное ограждение из колючей проволоки.

Что же касается фауны... Никто не отважился в это погожее декабрьское утро нарушить покой чарующе красивого, но гиблого места. Некому было наблюдать за приближавшейся с запада черной точкой, что росла и ширилась с каждым мгновением, наполняя пространство давно забытым механическим звуком – рычанием многосильного движка. Еще немного, и огромные колеса ревущего железного монстра вгрызлись в искрящееся полотно, клиновидный отвал на полном ходу протаранил цепочку сугробов. Поднимая в воздух тонны ледяной пыли, ракетовоз ходко прокатился мимо заметенного снегом придорожного кафе и уже спустя несколько минут исчез за поворотом. Когда рассеялась гарь выхлопов и перестало метаться вдоль просеки гулкое рокочущее эхо, лишь глубокая колея, безобразным рваным шрамом распахавшая пространство поляны из конца в конец, напоминала о недавнем визите людей.

* * *

– Вторые сутки на ногах! Я ему говорю: иди спать, моя очередь. А он знай себе баранку крутит. А у самого глаза на ходу слипаются. Того и гляди, в овраг сверзимся, и поминай, как звали!

Старик в сердцах бросил шлем на скамью, раздосадованный отлучением от любимой игрушки. Дым сочувственно покачал головой, аккуратно отжал Мигалыча с прохода.

– Ну-ка, батя, посторонись. Здесь с подходцей нужно. Деликатненько...

– Галстук не забудь, дипломат! – бросил путеец вслед.

Однако Геннадий, согнувшись в три погибели, уже полез по соединительному ходу в водительскую кабину.

Подростки, став невольными свидетелями разыгравшейся «драмы», лишь пожали плечами и вернулись к более интересному занятию – созерцанию проплывающих за окон-

цами окрестностей. Индеец был всецело поглощен разборкой доставшегося ему «винтореза», поэтому Мигалыч, все еще не утоливший жажду общения, присел на койку возле свернувшегося клубком Безбожника. В воздухе витал едва уловимый запах перегара. В обход всех запретов командира хирург умудрился-таки протасить на борт спиртное и под действием фирменного «снотворного» мирно почивал, отвернувшись к стене.

– Я говорю, каков фрукт! – с ходу заявил старик, для верности пнул врача локтем в бок. – Гонит без продыху. Угробит ведь транспорт! Как есть, угробит!

Безбожник шевельнулся. Продрал глаза, обвел пространство отсека мутным взглядом. Поняв, что бодрый старикан вряд ли отцепится, нехотя спустил ноги с кушетки, притулившись плечом к переборке, обстоятельно зевнул.

– Да не сможет он спать... Ты бы, отец, задрых после такого? По своим ведь палил. Не шутка... Эти жмуры приморские ему теперь долго во сне являться будут.

Глеб наконец заинтересовался беседой, отлип от бронестекла и наострил уши.

– А я-то думаю, что он заведенный такой? Волком смотрит, слова не скажи... – путеец принялся задумчиво мять в руках многотрадальный шлем.

Хирург воровато оглянулся, подмигнул пацаненку и вытащил из-за пазухи плоскую фляжку с облупившейся по краям краской.

– Будешь? – предложил он старику.

– Ох, смотри, паря, застучает тебя командир за этим делом, да «снимет с поезда». Штрафом не отделаешься.

– Ну, как хочешь, – Безбожник запрокинул голову, шумно глотая.

Еще секунда, и фляга исчезла под полой ватника, словно карта из рук иллюзиониста.

– Я в свое время так же психовал, – продолжил он, утершись рукавом. – Когда пациент на моих глазах копыта откинул. Прямо на хирургическом столе.

– Бывает... – вздохнул Мигалыч.

– У меня не было. Ни разу. До того случая...

Теперь и Аврора повернулась в сторону собеседников, ловя каждое слово. Но врача уже понесло, и лишние уши не могли остановить поток рвущихся наружу признаний.

– Я ведь первое время и в подземке продолжал практиковать. Работы – непочатый край. Только успевай кромсать. Аппендициты, пулевые, переломы... Вскоре с обезболивающим проблемы начались. Сталкеры таскали кое-что с поверхности, но разве ж напасешься... Стакан браги вместо анестезии, кляп в зубы – и вперед... А как работать, когда он бьется перед тобой, надрывается, будто режут его?! Хотя, почему «будто»... Ну, я и сам стал на грудь принимать. Для храбрости. Чтобы не слышать их, болезных...

Глядя на постаревшего разом, осунувшегося рассказчика, Глеб вдруг остро осознал всю тяжесть груза, что взвалил на свои плечи Таран, открыв огонь по приморцам. В этот момент мальчику вдруг стало нестерпимо стыдно за брошенные в порыве гнева слова. Однако тихий надтреснутый голос вернул его в реальность.

– День тот отчетливо помню. Ровно год после Катастрофы... Растолкали меня, под белы рученьки – и в операционную. А они, родимые, пляшут с перепоею! Пальцы не слушаются, хоть тресни! И ведь, как назло, медлить нельзя ни минуты... Мужика привезли с проломленной черепушкой. Можно сказать, повезло бедолаге. Осколок височной кости вытащить, и побегал бы еще по земле грешной...

Безбожник вдруг закрыл руками лицо, прерывая сбивчивый монолог, и принялся качаться взад-вперед. На виске рельефно проступила пульсирующая синяя жилка.

– Не сдюжил я, братцы... Подвели ручки-то... Вот этими самыми руками я его и угробил...

Врач с ненавистью уставился на дрожащие пальцы, сжал в кулаки до хруста и снова затих, теперь уже надолго.

Старик в знак утешения неловко похлопал Безбожника по плечу, уже не единожды пожалев о заведенном разговоре. А Глеб... Глеб впервые посмотрел на застывшего в позе мученика выпивоху без прежнего пренебрежения.

Неловкую тишину нарушил скрип тормозов. Качнувшись, «Малютка» остановился, а пассажиры запоздало ухватились за поручни и переборки. Подростки стремглав бросились в штурманскую кабину, однако Мигалыч, проявив удивительную для своего возраста прыть, занял место в «первом ряду» раньше других.

– Почему встали? – деловито выпалил старик, щелкнув тумблером внутренней связи.

Сквозь полуоткрытые бронешторки было видно, как Таран в соседней кабине указывает куда-то вперед. Геннадий, перегнувшись через спинку водительского кресла, тоже не отрывал глаз от зловещего облака, что маячило прямо по курсу. Зашуршала щетка стеклоочистителя, оставляя на стекле грязные, желтоватого оттенка, разводы. Вглядевшись в пейзаж за окном, Глеб наконец понял, что так насторожило отца.

Дымка испарений стелилась вдоль земли, сгущаясь и прибавляя в размерах, заполняя собой ложбины и ямы, и парой километров вниз по шоссе вырастала в непроницаемую стену туманного марева, эдакий грозовой фронт, циклопическим куполом накрывший огромную территорию. Открывшееся взорам явление поражало масштабами. Мальчику стоило больших усилий скрыть охватившую вдруг оторопь. Аврора, не сдержав удивления, ахнула и вопросительно посмотрела на напарника. Глеб лишь пожал плечами – подобного на поверхности встречать ему еще не приходилось.

Неожиданно зазвучавший из динамика голос Тарана заставил всех вздрогнуть.

– Череповец прямо по курсу. Мы, похоже, проскочили нужный поворот и вышли к городу с севера.

На мгновение в прорехе ватной пелены показался одинокий шпиль заводской трубы.

«Город! Первый крупный город, встретившийся на пути! – возликовал паренек. – Возможно, где-то там, за туманом, все еще теплится жизнь...»

Но потянувший из коридора запах гари разбил робкие мечты в пух и прах.

– Закрывать заслонки воздухозаборников! Это дым!

Герметизация жилого отсека не заняла много времени. После короткого совещания решили не тратить времени на объезд опасного места, а поскорее пересечь город насквозь и заодно узнать побольше о причине пожаров. Ведь огонь не мог появиться на пустом месте? Все-таки не хотелось расставаться с надеждой встретить людей...

Когда ракетовоз на малом ходу миновал границу серой клубящейся зыби, в иллюминаторы таращились уже все члены экипажа, пытаясь в окутавшем руины смоге отыскать признаки жизни. Но куда там... Повсюду поджидала одна и та же картина царящего повсюду запустения – брошенные посреди дорог автомобили, покосившиеся коробки складских построек...

Попасть в жилые кварталы напрямик не удалось. Дорогу преградил чадящий дымом Индустриальный район. Название вспомнил Мигалыч, в прошлой, довоенной, жизни побывавший в Череповце по каким-то служебным надобностям.

– Город металлургов и химиков... – с гордостью вещал старик, косясь на изрытую воронками взрывов промзону. – Крупнейший промышленный центр! Чего стоят только «Северсталь», «Азот», «Аммофос»! Как сейчас помню, подъезжаешь к станции на поезде, а за окном трубы, трубы, трубы... Много так, и все пыхтят, дымком курятся. Красота!

– Вот только с этой «красотой» в атмосферу столько гадости разной выходило, – блеснула эрудицией Аврора. – Диоксид азота и серы, оксид углерода, фенол, формальдегид... Половина таблицы Менделеева!

– Прибавь к этому конечный продукт – аммиак, азотную, фосфорную и серную кислоту, – подхватил Мигалыч. – Если удар пришелся по складам готовой продукции, то весь этот букет по всей округе разнесло.

– И дым, похоже, не от пожаров... – развил идею Таран. – Химия тлеет, как торфяники по осени.

– Под снегом? До сих пор? – Индеец с сомнением разглядывал исходящие паром руины.

– Ну, снег-то, он по верхам, – пояснил Мигалыч. – А заводские цеха, особенно под сложными технологическими линиями, могут на несколько этажей под землю уходить. Такая глубина, что и затеряться несложно. Настоящие катакомбы...

За неспешными разговорами прошла большая часть пути вдоль поражающей масштабами территории с проплешинами выжженной земли, разбитыми корпусами и искореженными железобетонными конструкциями. Выведенный на приборную панель дозиметр то и дело ворчливо пощелкивал, однако даже несведущему в ядерной физике Индейцу было понятно, что в Череповце обошлось без «большого огненного цветка», а заводы подверглись точечным авиационным ударам. Сделав изрядный крюк, тягач вырулил на уходивший вдаль пустырь, некогда – улицу Сталеваров. Видимость немного улучшилась, однако и здесь пейзаж оставался унылым и оптимизма не внушал – разбитые витрины магазинов, заросшие сорняком скверы... Дома хоть и выглядели ветхими, однако не несли на себе следов бомбежки. Не попадалось воронок от взрывов и на заснеженных проспектах опустевших жилых кварталов. Складывалось ощущение, что жители просто покинули город, причем делали это в спешке, спасаясь от последствий разразившейся экологической катастрофы.

– Ни людей, ни зверья... – подал голос Безбожник, отвлекшись наконец от горестных воспоминаний. – Сдается мне, отравы в здешнем воздухе столько, что даже мутанты не рискуют соваться. Ничего живого. Стерильно как в операционной... Правда, хм, не так чисто...

По мере удаления от окутанного смогом Индустриального района дозиметр наконец стих, а Таран даже рискнул активировать приточную вентиляцию, благо угольные фильтры позволяли отсеять значительную часть вредных примесей. Оставив жутковатое место позади, отряд достиг заснеженной низины, протянувшейся далеко на запад и восток. Мигалыч, отвоевав-таки водительское кресло, сверился с картой. Перед ними раскинулась закованная во льды река Шексна.

– Между прочим, первый в России вантовый мост, – не преминул козырнуть краеведческой эрудицией Мигалыч. – Октябрьский...

Исполинская конструкция с взметнувшимся ввысь треугольным пилоном посередине смотрелась гротескно, однако особого доверия не вызывала. Усталость металла – штука непредсказуемая. А если добавить к этому неприятному свойству два десятка лет без ремонтов и осмотров, то перспектива прогулки по мосту и вовсе не казалась хорошей идеей. Однако выезжать на декабрьский лед сталкер тоже боялся – многотонный ракетовоз мог в считанные секунды уйти под воду. В итоге все же решили попытать счастья и проскочить поверху, выслав в авангард разведчиков.

Когда «Малютка», вздрогнув, на малых оборотах покатила вдоль узорчатой решетки ограждения, Таран с Геннадием уже успели удалиться на приличное расстояние и теперь придиричиво осматривали дорожное полотно на предмет возможных трещин и разрывов. Глеб, увяжавшись следом, всю таращился по сторонам, в немом восторге обозревая открывшиеся с высоты просторы. Скованная льдами громада сухогруза, что красовалась посреди реки метрах в трехстах правее, невольно притягивала взгляд. Какими маршрутами ходил этот гигант, где успел побывать перед тем, как застыть навечно ненужной грудой железа?

Зазевавшись, мальчик едва не налетел на отца. Вскинув автомат, сталкер всматривался в туманную мглу впереди. Дым уже снял с плеча излюбленный «Утес», затушил пальцами тлеющий огонек самокрутки и, приметив цель, пристроился рядом. Теперь уже и Глеб со своим росточком заметил движение метрах в двадцати прямо по курсу. Темное продолговатое пятно медленно, рывками, уползало прочь, извиваясь подобно отъевшемуся болотному гаду.

Подав знак остальным, Таран начал медленно сближаться с неведомым зверем. Паренек засеменял следом, не забывая изредка приглядывать за тылом. Гигант Геннадий взял левее, стараясь зайти на нежданного гостя с фланга. Учувя преследователей, тот задергался, разом ускорившись, но соперничать с настырными двуногими явно был не в состоянии. Когда до цели оставалось не более нескольких метров, паренек с неподдельным изумлением признал в барахтающейся на снегу черной фигуре... человека!

Стоило подойти чуть ближе, и все сомнения рассеялись. Это действительно был самый что ни на есть реальный, живой человек. Неловко подволакивая ногу с разодранной до колена штаниной, незнакомец в затасканной до неузнаваемости химзе упорно полз к краю моста. Из-под маски противогаза доносилось нечленораздельное, с нотками паники, мычание.

– Эй! – окрикнул Таран. – Эй, диверсант! Да стой ты, холера! Стой, кому говорю!

Однако раненый не реагировал, продолжая с маниакальной настойчивостью штурмовать сугробы. И лишь когда в затылок уткнулось дуло автомата, человек затих, обессиленно опустив голову в снег.

– Ты откуда будешь, паря? Не бойся, не обидим! Чего молчишь-то?

Так и не дождавшись ответа, сталкер еле слышно выругался, обзрел окрестности, закинул «калаш» за спину.

– Ладно, мужики. Не будем отсвечивать. Гена, грузи гостя в транспорт. На месте разберемся, что за фрукт.

Мутант без видимых усилий поднял раненого с земли и взвалил на необъятную спину. Тот охнул еле слышно, но сопротивляться даже не пытался. И лишь оказавшись внутри «Малютки», проявил неожиданную прыть – сорвал опостылевший противогаз, забился в самый угол отсека и, судорожно втягивая теплый воздух, принялся затравленно озираться по сторонам.

Внешность незнакомца оказалась столь неприметной, что взгляд скользил по бледному испуганному лицу как по льду, не в силах зацепиться за что-либо, зафиксировать неуловимые, ускользающие черты. Запомнилась лишь густая, с проседью, борода и огромные черные глаза, в глубине которых прочно поселился страх.

Попытки наладить с чужаком контакт успехом не увенчались. Уговоры, расспросы, миролюбивый тон – ничто не помогало. Странный гость продолжал отмалчиваться и лишь предложенный радушными хозяевами чай выхлебал, обжигаясь, до дна. Досмотр личных вещей тоже не особо помог. Шмат вяленого мяса, плохенький «Вал» с горстью патронов, нож, соль, скрутка бинтов – стандартный сталкерский набор. Интерес вызывала разве что перевязанная бечевкой пачка потертых карт. На некоторых из них заметны были аккуратно выведенные грифелем пометки в виде непонятных символов, а иногда и цифр.

Стоило предъявить находку бородачу, как ситуация в корне изменилась. Доселе сохранявший молчание, незнакомец переменялся в лице и принялся отчаянно жестикулировать, широко разевая при этом рот.

– Да он глухонемой, братцы! – осенило Безбожника. – Ну-ка, дайте я с ним потолкую. Доводилось раньше...

Так и не завершив туманное объяснение, врач подсел к чужаку. Дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Глебу стоило больших усилий дожидаться, когда безмолвный диалог подойдет к концу. Каждый раз, усвоив смысл очередной серии жестов, Безбожник удивленно цокал языком и загадочно так косился на командира, мол, «ты погляди, что отчебучил, шельмец!»

Однако Таран оставался внешне спокоен, хотя желваки на лице уже ходили ходуном. Не смея больше испытывать терпение сталкера, хирург оторвался от занимательной беседы и повернулся к остальным.

– В общем, будьте знакомы, это Пешеход. Ни за что не поверите, откуда этот хлыщ залетный взялся! Я поначалу тоже засомневался, но вот эти бумаженции все по своим местам расставили. – Хирург с торжествующим видом, словно только что распутал сложнейшее преступление, постучал тонкими пальцами по стопке карт. – Наш новый знакомец выкрал их из «Ордена нефтяников». Есть, представьте себе, на поволжских просторах такая группировка. Моторизованный клан кочевников. Рыскают по пустошам в поисках остатков топлива и нефти. «Черное золото» нового мира, как-никак... Вот только не задалась у них дружба с нашим многоуважаемым любителем пеших прогулок. Не слюбилось, не срослось, как говорится. Я так понял, пацифистов в Ордене не жалуют. Но хохма не в этом. Пешеход нас за «нефтяников» принял, потому и драпал, болезный. А как понял, что мы карты эти первый раз видим, мигом успокоился.

В подтверждение слов Безбожника гость с энтузиазмом кивал невпопад, а на вопрос Тарана о полученной травме только глупо заулыбался и беспомощно перевел взгляд на красноглазого переводчика.

– Да типичный ушиб, – не стал витийствовать хирург. – Упал неловко. Я предложил осмотреть, а он отказывается. Говорит, сам управлюсь. Хозяин – барин...

– Расспроси про клан поподробнее. – Таран развернул одну из карт, внимательно разглядывая пририсованные от руки пометки. – Сколько душ, откуда ждать... У нас цистерна с горючкой на горбу – прознают, не отвяжутся.

– Уже спросил. Их временный лагерь восточнее, ближе к Вологде. Так что дальше прежней дорогой ехать опасно. Но Пешеход неплохую идею подкинул – чем в грязи да снегах вязнуть, проще по реке спуститься. До Рыбинского водохранилища рукой подать, а там и по Волге можно двинуть. Ни валежника, ни кочек – кати себе, пока горючка не кончится. Расход топлива, кстати, заметно снизится. Факт.

– Рискованно. А вдруг как лед не выдержит?

– Беглец наш утверждает, что ежели берега держаться, то все путем будет. Там вода до самого дна промерзла. То, что доктор прописал.

По едва заметному прищурю глаз и плотно сжатым губам было видно, что Тарана одолевают сомнения. Довериться первому встречному и изменить маршрут либо отмахнуться от глупых небылиц и снова идти напролом? Взгляд его в который раз остановился на хаотично разбросанных по карте значках.

– Что это? – спросил он, сунув лист Пешеходу.

Переводить вопрос не пришлось. Пальцы гостя уже замелькали перед носом Безбожника, брови которого секундой спустя взметнулись от изумления.

– Охренеть... – только и вымолвил он, «дослушав» до конца, и осоловело посмотрел на Тарана. – На карте обозначены схроны Ордена, командир. Нефтехранилища, железнодорожные составы с горючкой... Все, что удалось найти за долгие годы... Это же целое состояние! Клондайк, трепан меня задери!

– Ну, я бы так не радовался, – осадил наемник. – Еще неизвестно, в каком состоянии все это добро. Хотя пополнить запасы дизтоплива было бы не лишним. Так, глядишь, и до «Владика» дотянем.

Экипаж оживленно заголосоил, взбодренный открывшимися перспективами. Что уж говорить, до сего момента никому не верилось в возможность пересечь весь материк, но с новым знакомцем шансы на благополучный исход мероприятия заметно возростали.

– Значит, решено? – подытожил Мигалыч. – Вот и славно. Пойду, обмозгую новый маршрут. А вы пока дознайтесь у пройдохи этого, где его ссадить.

– Вот тут как раз еще одна закавыка, – ухмыльнулся врач. – Идти Пешеходу теперь вроде как некуда. Да и нычки с топливом мы без него вряд ли сыщем. В общем, в команду он хочет. На ПМЖ.

Пешеход словно понял, что решается его судьба, поскольку с мольбой во взгляде устался на Тарана, безошибочно угадав в нем главного. Тот медлил, взвешивая все за и против. Ведь от каждого решения теперь во многом зависели судьбы доверившихся ему людей. Глеб с интересом наблюдал за внутренней борьбой, вопреки стараниям отца отразившейся на угрюмом лице. После инцидента с приморцами Таран стал заметно осторожнее, старался продумать последствия каждого действия на несколько ходов вперед. Того и гляди прозвище менять придется...

– Самуил Натанович, объясни тут новенькому, что к чему. И займись все-таки его ногой. В моем отряде отстающих быть не должно.

Безбожник дернулся, впервые за последние двадцать с небольшим лет услышав собственное имя – слова, затронувшие некие потаенные струны в его зачерствевшей душе. Пересохшие губы дрогнули, взгляд заблестел, а привычно ссутуленные плечи медленно развернулись. Все верно. Теперь он не какой-нибудь забулдыга с мутной кличкой, а врач экспедиции, которому нужно беспрекословно подчиняться, когда дело касается здоровья экипажа.

Когда наемник вслед за Мигалычем полез в водительскую кабину, от внимания Глеба не ускользнуло, как Геннадий одобрительно кивнул приятелю, отдавая дань проявленной смекалке. Мальчик непонимающе смотрел то на мутанта, то на ухмылявшегося из своего угла Индейца, пока Аврора украдкой не толкнула его в бок, тихо шепнув:

– Гляди...

Безбожника будто подменили. От прежнего, расхлябанного и уставшего от жизни недо-человека не осталось и следа. Его место занял энергичный, уверенный в себе профессионал. За считанные секунды врач развил кипучую деятельность, загромыхал склянками и жгутами, скупым отточенным движением взрезал истрепанный комбез Пешехода по краю разрыва.

– Ну-ка, голубчик, извольте закатать штанину! – строго заявил хирург глухонемому пациенту, затем, спохватившись, пояснил жестами. Фляга со спиртным, выскочив у него из-за пазухи, громко стукнулась об пол. Замерев с ватным тампоном в руке, Безбожник уставился на отливающие тусклым серебром бока, помрачнел разом.

– Натаныч, анестезию потерял! – ляпнул Индеец, тут же смешавшись под осуждающими взглядами остальных.

Аврора, Глеб, Дым, став невольными свидетелями неудобной сцены, затаили дыхание, ожидая развязки. Происходившая с врачом метаморфоза, мучительная, рвущая душу изнутри, закончилась неожиданно. Спина Безбожника обреченно сторбилась, задрожавшие пальцы потянулись к фляге... но лишь для того, чтобы схватить ненавистный фетиш. Скривившись, словно держит в руках ядовитую змею, хирург метнулся к створке бокового люка, затем, опомнившись, закрутился на месте, не в силах придумать, как избавиться от жгуцей руку металлической коробочки. Эмоции требовали выхода, поэтому хирург просто зашвырнул флягу в дальний угол жилого отсека. Жалобно звякнув, та улетела куда-то под койку, а Безбожник соскользнув по стене, сел на корточки и устало ткнулся лбом в колени.

– Лучше б Таран его отругал... – шепнула Аврора приятелю.

– Я иногда отца побаиваюсь, – признался Глеб в ответ. – Он людей насквозь видит. Читает, как открытую книгу. Бывает, даже и не скажет толком ничего, голоса не повысит, а у человека потом словно переключатель в голове срабатывает. Раз – и готово. Вот и Безбожника просчитал...

Самуил Натанович тем временем востропнулся, поднялся с пола и, привычным движением размяв кисти рук, снова занялся пациентом.

– Что ж... В нашем полку прибыло, – вполголоса прокомментировал Геннадий. – Похоже, у нас сразу двое новеньких.

* * *

Тягач ощутимо качнуло, взвыл на повышенных оборотах движок. «Малютка» неторопливо пересек пологий спуск к реке и выкатил на лед. Осторожный Мигалыч не спешил, готовый в любой момент сдать назад. Однако Пешеход не соврал – промерзшее до самого дна мелководье оказалось отличной дорогой для огромного неповоротливого транспорта.

Никто из экипажа не обратил внимания на странный звук, что на мгновение прорвался сквозь басовитое урчание ракетовоза. С протяжным «бам-м-м!» лопнули стальные канаты сразу нескольких вант, прощальным аккордом застонал изъеденный ржой несущий пилон, и целый пролет моста, окутанный облаком взметнувшейся в небо снежной пыли, обрушился в Шексну.

Величественная картина разрушения на фоне чадающего дымом Череповца надолго отложилась бы в памяти путешественников, вот только прощаться с оставшимся за излучиной реки мертвым городом было уже некому. Так уж устроен человек. Ему несвойственно оглядываться назад, когда впереди – манящая неизвестность долгого пути.

Набирая ход, железный исполин несясь вдоль кромки неровного берега, навстречу безбрежной ледяной пустыне Рыбинского водохранилища.

Глава 4

Мим

– Чего пялишься? Три давай! Как жрать, так он горазд, а как прибрать за собой – «моя твоя не понимай»? – Индеец всучил Пешеходу грязную кастрюлю и подтолкнул к жестяному тазу с растопленным снегом, тотчас обернувшись к хирургу: – Натаныч, скажи ему, чтоб не филонил!

Безбожник лишь неопределенно хмыкнул в ответ, отмахнувшись. На бледном лице отразилась мука – врача все еще мутило после продолжительной качки, случившейся во время штурма полосы ледяных торосов. Зато ответил Таран, очень кстати появившись в проеме соединительного ходка.

– Индеец, сегодня же ты дежурный по камбузу, если память мне не изменяет, – сталкер недобро сверкнул глазами. – А она меня, веришь, еще ни разу не подводила.

Патлатый молодчик разом сник, отводя взгляд.

– Не рано в «деды» записался? Или не царское это дело – котлы драить? Ты давай-ка, замашки свои брось, вождь краснокожих...

Индеец горестно вздохнул, отобрал у новенького тряпку и под тихий смешок Самуила Натановича принялся ожесточенно греметь посудой. Цепляясь за трубу закрепленного под потолком поручня, Таран пробрался к своей кушетке и устало опустился на аккуратно заправленное байковое одеяло.

Оторвавшись от изучения трофейных карт Ордена, Глеб украдкой взглянул на отца. Вокруг глаз отчетливо проступили морщинки, на осунувшемся лице – ни следа эмоций, отрешенный взгляд застыл на забранном в решетку тусклом фонаре. Так плохо сталкер выглядел лишь после терзавших тело приступов... Но ведь эта напасть давно позади, а значит, причина в другом. Неужели настолько повлиял инцидент с приморцами? Только теперь в облике Тарана мальчик заметил одну деталь, на которую до сего момента внимания как-то не обращал. Седина на висках... А ведь не было раньше... Постарел...

Измотанный длительной вахтой организм требовал отдыха, но стоило наемнику сомкнуть глаза, как ощутимый удар по броне заставил тягач вздрогнуть, а экипаж – повскакивать с мест. Индеец опасливо выглянул из каморки камбуза, потирая ушибленный лоб.

– Ну чего всполошились? Сохраняем спокойствие! – Наемник ударил по кнопке висевшего на стене переговорника. – Мигалыч, что там у тебя?

Некоторое время в ответ доносилось только шипение статики, затем путеец неуверенно забормотал:

– Да кто ж его разберет? Вроде чисто было, а потом вдруг нехристь какой-то под колеса бросился!

– Человек?

– Да говорю же, не разглядел! Зверюга, вроде... Больно шустрая, зараза!

– Тормози транспорт. Глянем. – Таран засобирился, вытаскивая из настенного пенала противогаз. Следом засуетился Дым, забряцали оружием остальные.

При внешнем осмотре на лобовой броне штурманской кабины обнаружилась внушительная кровавая клякса. Вязкие багровые капли, стекая по бамперу, уже протаяли в смерзшемся снегу несколько глубоких лунок. Однако, вернувшись к месту столкновения, ожидаемого трупа сталкеры не обнаружили. Лишь темнела неприглядным пятном все та же дымящаяся на морозе кровь. Уйти загадочный гость тоже не мог – к проторенной ракетовозом колее вела всего лишь одна цепочка следов. Странных таких следов...

– Мутоволк? – предположил Дым, разглядывая взбаламученный снег. – Вроде, похоже.

– Одно ясно – не человек, – Безбожник демонстративно оставил рядом отпечаток собственного сапога.

След зверя оказался глубже и намного короче.

– Меня больше другое занимает: куда эта тварь подевалась? – Таран тревожно оглянулся на тягач. – Возвращаемся. Надо осмотреть «Малютку». Кузов, днище. Каждый закуток.

Но и повторное обследование результатов не принесло. Зверь как сквозь землю провалился.

– Видать, убег, болезный, – резюмировал Мигалыч.

– Как говорится, пострадавший скрылся с места ДТП, – Самуил Натанович коротко хохотнул. – Нонсенс, но факт.

– Значит, туда ему и дорога. Все, мужики, грузимся, – скомандовал Таран. – До темноты еще город осмотреть надо.

– Город? – встрепенулся Глеб.

– Вон там... – сталкер указал на маячившие вдалеке руины. – Гидроэлектростанция. Плотину проездом, а дальше – Рыбинск.

Однако, к глубочайшему сожалению Глеба, поглазеть на развалины гидроэнергетического узла, в свое время являвшегося третьей ступенью знаменитого Волжско-Камского каскада ГЭС, так и не удалось. Огибая пятно радиационного заражения по широкой дуге, экспедиция благополучно достигла берегов Волги, откуда открывалась не менее завораживающая панорама: покореженная махина Волжского моста, увенчанное фигурными кровлями здание Рыбинского музея-заповедника и обветшалый, но все еще сохранивший былое величие Спасо-Преображенский собор с пронзающим небо шпилем пятиярусной колокольни.

– Красотища какая... – не сдержала эмоций Аврора, прильнув к стеклу.

– Отвел Господь беду, уберег храм... – Мигалыч оторвался от созерцания древних строений и поддал газу, направляя «Малютку» вглубь города.

Стоило покинуть набережную, и торжественная монументальность самобытной архитектуры плавно сошла на нет, сменившись унылыми панельными коробками жилых кварталов. Выстроившиеся вдоль пустынных улиц дома выглядели абсолютно безлюдными. Ни единого отблеска костра, ни следов на заметенных снегом тротуарах, ни эха одинокого выстрела – город был мертв, без своих хозяев давно превратившись в окаменелый скелет, скалящийся на нежданных визитеров бетонными клыками-руинами.

– Дальше опасно, – подал голос путеец. – Завалы повсюду. Можем застрять.

– Возвращаемся к реке? – в голосе Глеба сквозило разочарование.

Но Таран опять медлил с решением и после непродолжительных раздумий вновь потянулся за противоголозом.

– Пешочком попробуем. Глядишь, накопаем что-нибудь. Ведь должен был хоть кто-нибудь уцелеть?

На сей раз вышли усиленным составом. Каждому хотелось хоть немного размять ноги после длительной поездки. Даже Аврора – и та напросилась. Пешеход, не желая показаться слабым звеном, бодро ковылял вслед за остальными, несмотря на боль в перебинтованной ноге. Сторожить «Малютку» с готовностью вызвался Индец. Парень с самого утра пребывал не в лучшем настроении, особенно после посудомоечных процедур, и «шататься по каменюкам» желания не изъявил.

Какое-то время, озираясь по сторонам, группу вел Таран, но спустя пару кварталов Мигалыч вдруг прибавил, обойдя опешившего командира, и целенаправленно двинулся к площади, маячившей за руинами девятиэтажного панельника.

– Эй, батя! Ты чего там увидел-то?

– Я узнал это место! Узнал! Улица Моторостроителей!

Старик, не оборачиваясь, призывно махнул рукой и, чуть ли не срываясь в бег, устремился напрямиком в прореху между полуобвалившимися стенами. Первым достигнув открытого пространства, он замер на месте, разглядывая нечто, пока еще недоступное взорам оставших членов отряда.

Когда Глеб сотоварищи поравнялся с путейцем и смог наконец насладиться открывшимся зрелищем, от нахлынувших эмоций перехватило дыхание. Посреди площади, опоясанный каскадом многоступенчатых лестничных маршей, возвышался внушительный постамент в форме наклонного параллелепипеда, а на нем... воспарив над домами, рождая нереальное ощущение стремительного движения, застыл в вечном полете настоящий самолет. Сглаженные обводы корпуса, размах стреловидных крыльев, таинственное, во всю длину фюзеляжа, слово «АЭРОФЛОТ» – все поражало в этой остроносой железной птице, невольно заставляя проникнуться уважением к молчаливому пришельцу из другой эпохи, а также силе человеческого гения, способного создавать подобные шедевры.

– «Ту-104», – благоговейно произнес старик. – Первый отечественный реактивный пассажирский самолет. Двадцать шесть мировых рекордов! В свое время на западе настоящий фурор произвел. А эту модификацию даже в Чехословакию поставляли. Правда, капризный аппарат был, неустойчивый. На малых скоростях сваливание проявлялось. Механизация крыла слабая...

– Ты прям ходячая энциклопедия, Мигалыч, – пошутил Дым.

Осведомленность старика в области авиастроения никого не удивляла. Не раз уже доводилось слышать его увлекательные истории о славном довоенном прошлом и безумно интересных годах службы в качестве летчика-испытателя. Однако никогда Мигалыч не рассказывал, почему в один прекрасный момент расстался с небом и ушел под землю, в метрострой.

– Уже и не помню, в каком году, но прямо тут, под этим самым памятником, со своей Верочкой и познакомился, пусть земля ей будет пухом... – голос старика на мгновение дрогнул. – В командировку я сюда приезжал. В НПО «Сатурн».

– Эн-пэ-о... – повторил Глеб, прислушиваясь к незнакомым звукосочетаниям.

– Научно-производственное объединение, – пояснил Мигалыч. – Газотурбинные двигатели для военной и гражданской авиации конструировали. Мощнейший научный центр был, скажу я вам! Недалеко здесь, кстати. Может, и уцелело что еще...

– Ты, видимо, из-за супруги своей с полетами завязал? – прямо спросил Таран.

Старик отрицательно помотал головой.

– Наоборот! Верочка меня, можно сказать, за профессию и полюбила... – из-под противогаза послышался тяжкий вздох. – Все из-за той злосчастной посадки... Полгода по больничным койкам, медкомиссия и... профнепригодность, туды ее в качель. Слово-то какое дурацкое... Профнепригодность... Клеймо, а не слово. Придумали же!

Мигалыч в сердцах всплеснул руками, полез за табаком, но, вспомнив про противогаз, тихо выругался. Затем, постояв в нерешительности какое-то время и предаваясь воспоминаниям, сделал несколько робких шагов по направлению к махине самолета, задрал голову вверх.

– Хотел бы я еще хоть разок подняться в небо... – донес ветер искаженные маской слова. – С тех самых пор, как летную форму на путейскую поменял, душа болит.

Утешать ностальгирующего старикана никто не решился. Даже Аврора, качнувшись было вперед, осталась на месте. Слишком личное это, чтобы вмешиваться.

Всю обратную дорогу Мигалыч молчал, замкнувшись в собственном мирке из переживаний и несбывшихся надежд. Один раз Геннадию даже пришлось подстраховать бедолагу, иначе угодил бы напрямиком в канализационный колодец, и поминай, как звали... Зато когда из-за угла покосившегося магазина показался силуэт «Малютки», все вздохнули с облегчением, радуясь скорой возможности окунуться в уютное тепло кают-компания, насладиться горячим ужином и отвлечься наконец от навевающих тоску пейзажей мертвого города.

Индец разметал грезы о вечерней трапезе в пух и прах. Как оказалось, за время отсутствия экипажа он даже не приступал к готовке, а, пребывая в угнетенном состоянии духа, находился в своем углу и самозабвенно изучал грязь под ногтями. Хорошо еще, что Таран сразу же полез в кабину, занявшись прокладкой дальнейшего курса. Иначе не избежать бы лентяю серьезной выволочки. Но на этот раз обошлось. Аврора с готовностью подменила Индейца на камбузе, радуясь возможности лишний раз поэкспериментировать в нелегком поварском деле.

Уже ближе к полуночи Мигалыч с командиром вывели «Малютку» на берег Волги, где Глеб наконец-то решился поделиться с отцом возникшими подозрениями.

– Выкладывай, что надумал, – с ходу начал Таран, стоило мальчику появиться в штурманской кабине. – Я же вижу, маешься весь день.

Глеб пристроился на заднем сиденье, прикрыв за собой створку люка.

– Ты ничего странного не заметил?

Сталкер вполоборота посмотрел на приемного сына.

– Продолжай.

– Мне кажется, с Пешеходом не все так просто, – вполголоса выпалил Глеб. – Сам посуди, что он на мосту забыл? В промзону шел? В дым? Для чего? Да и где там падать? Как он вообще ногу умудрился поранить? Вон как шустро по Рыбинску рассекал! А если раньше ушибся, то зачем на мост двинул? Ведь самое приметное место в округе! А он, вроде как, в бегах...

Наемник перевел взгляд на забранное металлическими шторками оконце, за которым в свете фар, влекомые ветром, кружили невесомые снежные хлопья. Видно было, что сбивчивый монолог сына его пока особо не зацепил.

– А еще это, – мальчик вытащил из-за пазухи и поставил на приборную панель вылизанную дочиста консервную банку. – Там, под запаской в бытовке, несколько таких валяется. Крысятничает наш инвалид. Втихаря.

С выключенным двигателем в кабине было непривычно тихо, и вкрадчивый шепот Глеба звучал прямо-таки зловеще.

– И Аврора пожаловалась, что постоянно ощущает на себе чей-то пристальный взгляд. Только чужак хитрый – стоит ей обернуться, он глаза отводит.

Таран выждал и, лишь убедившись, что сын выговорился, устало потянулся, выпрямляя затекшую спину.

– Что харчи таскает – плохо, конечно. – Сталкер покрутил в руках грубо вскрытую банку. – Оголодал, видать, пока скитался, но это дело поправимое. Повлияем. Исправится. А насчет остального... Пока это не более чем подозрения и, заметь, ничем не подтвержденные.

– Но ведь...

– Глеб, – перебил наемник, – сейчас я не просто твой отец, а глава экспедиции. И, как глава экспедиции, именно я решил зачислить Пешехода в команду. А ты, как член экипажа, должен считаться с моими решениями и не забивать голову ерундой.

– Я всего лишь пытаюсь предупредить! – вскипел пацаненок.

– И я благодарен тебе за это, – немного смягчился Таран. – Я принял твои опасения к сведению, но и ты не забывай о том, что сейчас услышал. А теперь иди спать. Поздно уже.

Мальчик порывался сказать еще что-то, однако, наткнувшись на строгий, но успевший стать родным взгляд, передумал, молча поднялся с кресла и юркнул в ходок.

* * *

А наутро случилось то, что не могло присниться и без того расстроенному Мигалычу даже в самом страшном сне, – восьмисотсильный дизельный двигатель, сердце многотонного ракетовоза, не завелся. Не заурчал на холостых оборотах, не закашлял выстуженным за ночь

нутром ни с первой, ни со второй попытки. Старик кудахтал и квохтал, бегая вокруг закапризничавшего не ко времени агрегата подобно заботливой наседке, однако все его усилия пропадали даром. Причину поломки с наскока определить не удалось.

От помощи Глеба Мигалыч наотрез отказался – выиграла профессиональная гордость. Поэтому, пытаясь быть хоть чем-нибудь полезным, паренек подхватил с пола ведро и направился к выходу во внешний кузов, набрать свежавывавшего снега для водоочистительной установки. Украдкой косясь на притихшего в углу Пешехода, он едва не столкнулся с Индейцем, преградившим дорогу возле шлюзовой камеры. Не проронив ни слова, обладатель патлатой шевелюры забрал ведро и скрылся за гермодверью, даже не потрудившись нацепить противогаз.

Глеб лишь пожал плечами. Видимо, Индейцу наконец-то стало стыдно за вчерашнее безответственное дежурство, и теперь он не меньше остальных пытался угодить стремительно мрачающему командиру.

Реанимировать «Малютку» удалось к полудню. Ликующий возглас Мигалыча не услышал разве что глухонемой новобранец. Следом донесся радостный вопль Геннадия, прикрывавшего старикана с крыши. А через минуту тягач вздрогнул, просыпаясь, и взревел привычным рокочущим басом.

Счастливая физиономия влетевшего в жилой отсек Мигалыча не оставила равнодушным никого, и лишь Таран отчего-то продолжал хмуриться, не спеша присоединяться к общему веселью. С самого утра сталкер пребывал в скверном расположении духа из-за ломоты в висках, ставшей следствием беспокойного, урывками, сна и слишком ранней пробудки.

– Топливопровод пережало, так его разэтак! Я уж и на аккумуляторы грешил, и на фильтры, а оно... – завидев командира, старик запнулся, с тревогой вглядываясь в напряженное, покрытое бисеринками пота лицо.

– Что не так? – невпопад спросил сталкер.

– Я говорю... топливопровод... – Под пристальным взглядом Тарана Мигалыч окончательно смешался и осел на удачно подвернувшуюся скамью.

– ЧТО... НЕ... ТАК? – повышая тон, повторил наемник. – ИЛИ Я ОДИН ЭТО ВИЖУ?!

– Видишь что? – не выдержал Дым, привставая с кушетки.

– Чёрта, – неожиданно прошептал Таран. – С копытами вместо ног.

– Твою мать... – Безбожник торопливо полез в сумку с медикаментами. – Да тебя, похоже, глючит с недосыпу! Гена, давай-ка, придержи командира. Снотворное вколем, проспится и будет как огурчик...

– Сидеть! – Двигаясь вдоль прохода, Таран положил руку на плечо зеленокожего громилы, и тот, подчинившись, плюхнулся обратно.

Аврора опасно отстранилась, когда наемник медленно, подобно сомнамбуле, прошествовал мимо койки, направляясь в хвост отсека. Туда, где, сжавшись в комок, хлопал испуганными глазами бородатый пацифист. Еще несколько томительных секунд, и сталкер замер напротив Пешехода. В звенящей тишине раздался зловеющий шелест вынимаемого из ножен клинка. В свете плафонов молнией блеснуло хищное лезвие.

– Па, ты чего? – встрепенулся, выходя из оцепенения, Глеб.

– Таран, не смей!

Геннадий сорвался с места, бросая могучее тело в длинный прыжок через весь отсек, но было уже поздно. Коротко замахнувшись, наемник прынул в сторону от Пешехода и неожиданным движением воткнул нож в грудь стоявшего сбоку Индейца. Тот неестественно громко всхлипнул, рефлекторно подавшись назад, но сталкер, наваливаясь всей массой, вогнал клинок по самую рукоять.

В следующее мгновение размытая зеленая тень смела Тарана с прохода, повалила на пол, вышибая из легких воздух.

– Ты что наделал! Идиот! Псих долбаный! Совсем охренел?!

Геннадий выбил нож из руки приятеля и, схватив его за грудки, ожесточенно затряс. Голова Тарана безвольно моталась из стороны в сторону, то и дело стучаясь о настил пола, но рука продолжала указывать на жертву.

Краем глаза Дым уловил движение и, скосив глаза вбок, от неожиданности разжал руки. Наемник кулем упал в проход, отползая от разъяренного гиганта, но вниманием того уже всецело завладел паплатый «вождь» с торчащей из грудины рукоятью. Индеец трясся всем телом, расходясь все больше, движения смазались, будто окутанные едва заметной сизой дымкой, а очертания фигуры вдруг странным образом потекли подобно плавящейся восковой свече. Утробный стон, родившись где-то в глубине бездонной глотки, перерос в вибрирующий нечеловеческий визг, исчезнув за пределами слышимого частотного диапазона, уходя в ультразвук.

Словно очнувшись от долгого сна, Глеб взгляделся в содрогающееся тело и обомлел. Вместо Индейца в углу жилого отсека топталось отталкивающего вида существо с тощими вытянутыми конечностями, иссиня-серой скользкой кожей и приплюснутой уродливой головой. Как вообще это необъяснимое «нечто» можно было спутать с человеком, сейчас более напоминавшим оплывшую восковую куклу? Разве что загадочный гость обладал даром внушения, достаточно, чтобы запудрить мозги всей команде разом?

Брюки и рубаха «псевдоиндейца» стремительно сморщились, опав лоскутами отмершей волокнистой кожи. Смагивая слизь с раскосых, выдающихся из орбит глаз, мутант выгнулся до хруста костей, растянул дрожащее, похожее на рваную рану, ротовое отверстие в жутком оскале и угрожающе зашипел. По его стремительно меняющемуся телу прошла очередная волна судорог, и десантный нож беспомощно выскользнул наружу, звонко стукнувшись об пол. В продолжение немислимой трансформации отчетливо щелкнули, выходя из суставных сумок, кости рук, вытягиваясь в подобие эластичных жгутов-щупалец, а зрачки-бусины вдруг выдвинулись вперед, прорывая роговицу, и зашевелились на тонких, кровавого цвета, стебельках.

Но вот кривая пасть легко сложилась в некое подобие человеческой улыбки, на стремительно мимикрирующей морде вновь проступили подозрительно узнаваемые губы и нос... Спустя мгновение с горбатого рахитичного тела смотрела вполне себе натуральная голова Тарана. Вот только в уродливых глазах продолжали мерзко шевелиться на усиках аспидно-черные зрачки. Аврора тотчас узнала этот взгляд. Плотоядный, чуждый, вгоняющий в оцепенение. Тот самый взгляд, что уже не раз ощущала на себе за прошедший вечер.

Существо шумно втянуло воздух и потянулось к ребенку гуттаперчевой конечностью. Из уголков плотно сомкнутых губ, пузырясь, засочилась бурая тягучая слюна.

– Не стрелять! – успел скомандовать Таран. – Друг друга перекалечим!

Первым, как ни странно, опомнился Пешеход. Промычав что-то злое, поднял сиротливо валявшийся нож и бросился на жуткую тварь. Метаморф легко взмыл под потолок и, оттолкнувшись от спины бородача, метнулся в центр отсека. Истошно завопила девочка, вскочил, хватаясь за скальпель, Безбожник, прыгнул с места, врубаясь в жилистое склизкое тело, Глеб.

В тот момент сознанием паренька всецело овладел страх. Страх, заставивший действовать без промедления, на инстинктах. Страх за Аврору. Потому что тварь уже нацелилась на заблаговременно выбранную жертву, и отступать, по всей видимости, не собиралась.

Уже позже, пытаясь восстановить в памяти детали минувшей ночи, мальчик понял, что натерпевшийся ужасов рассудок милостиво закрыл от него самые жуткие фрагменты схватки, притупил эмоции, оставив только ряд статичных, заретушированных розовой пеленой картинок. То, что творилось внутри ракетовоза на протяжении нескольких безумно долгих, не поддающихся осмыслению минут, более всего напоминало свалку из тел и предметов, в которой сложно было что-либо разобрать. Отчетливо запомнилось лишь распятое на полу, изломанное,

бьющееся в припадке бессильной ярости тело загадочного создания, рычащий от натуги Геннадий с обмотанными вокруг шеи щупальцами и нависший сверху силуэт Тарана с разводным ключом в исцарапанной до предплечья руке. С мерзким чавкающим звуком инструмент раз за разом опускался на голову твари, вбивая жалкое подобие человеческой головы в наполненную решетку, стирая с неживого лица-маски знакомые черты, в то время как кожа метаморфа под действием мириад хроматофоров продолжала бесконтрольно переливаться ярчайшими цветами радуги...

Когда все закончилось и обугленные, источающие смрад останки выгребли на снег, пришло время подумать о настоящем Индейце. Спихватились вовремя – парень оказался чертовски везучим малым. Его, спеленатого клейкой массой, в полубморочном состоянии, едва не окоченевшего от холода, нашли в шлюзовой камере. То ли метаморф припрятал добычу на потом, то ли просто не в состоянии был сожрать жертву за время недолгого отсутствия экипажа... В общем, повезло бедняге. Откачали, отпоили, привели в чувство.

Пока Самуил Натанович колдовал над пациентом, Глеб припомнил, как собирался за снегом, а «лжеиндеец» не дал пройти внутрь шлюза, как отмалчивался весь вечер, сторонясь остальных. Умная оказалась тварь, что ни говори. Просто-таки фантастическая способность к мимикрии, помноженная на зачатки телепатии, стала мощнейшим оружием в нелегкой межвидовой борьбе за выживание.

И если б не вызванные затянувшимся недосыпом головные боли Тарана, что так своевременно отрезвили stalkера и избавили от морока, знакомство с метаморфом могло окончиться весьма трагично для всей команды.

Разрешился и вопрос, как этот неучтенный «пассажир» пробрался на борт. Предусмотрительные вавилонские техники оснастили подпол гальюна контейнером-накопителем на манер биотуалетов, дабы избежать разгерметизации жилого отсека. Простейшая система со сдвигающимся вдоль направляющих поддоном позволяла периодически опустошать бак. Но кто же мог предположить, что найдется тварь, достаточно умная, чтобы забраться внутрь накопителя, и способная к тому же видоизменяться настолько, чтобы проникнуть внутрь транспорта через отверстие смыва?

– Я назову его «мим», – торжественно объявил Безбожник, решив под шумок присвоить славу первооткрывателя-зоолога себе. – В честь античных мастеров подражания, виртуозов сценического фарса. Звучит, не правда ли?

– Это что за чудики такие? – не понял Геннадий. – Актеры, что ль? Я из их братии только цыганский табор с «Черной речки» знаю.

– Это не то, – замахал руками хирург. – Мимы уже давно стали историей.

– Тогда приемлемо, – одобрил мутант. – Туда им и дорога. Быть может, сегодня последнего приговорили. Как думаешь, Мигалыч?

– Думаю, дело все ж таки не в топливопроводе, – отстраненно пробормотал старик, прислушиваясь к неровному стуку мотора. – Боюсь, братцы, отъездился наш «Малютка».

Экипаж оторвался от генеральной уборки отсека, уставившись на путейца с неммым вопросом на лицах. Старик, извиняясь, развел в ответ руками:

– Движок накрывается. И на коленке его не переберешь. Мастерская нужна. Запчасти.

Пешеход подергал Безбожника за рукав, требуя объяснить встревоженные физиономии экипажа. Самуил Натанович перевел, и бородач просиял, отчаянно жестикулируя. Закончив общение с новичком, врач подсел к старику и заговорщицким тоном произнес:

– Двигатель на тягаче какой стоит?

– «ЯМЗ-847» четырехтактный, с турбонаддувом и жидкостным охлаждением, – без запинки протараторил Мигалыч.

– А «ЯМЗ» это что? – терпеливо, как при общении с несмышленным ребенком, допытывался хирург.

– Дык, ясен пень, Ярославский моторный завод!

– А мы сейчас где?

– Где? – не понял путеец.

– Где, где! В семидесяти километрах от Ярославля, отец!

Старик замер, комично подмигивая больным глазом, и перевел взгляд на Тарана.

– А ведь может выгореть... Что думаешь, командир?

– А что тут думать. Все равно по пути. Заводи тарантас. Выдвигаемся.

* * *

И снова дрожь кузова под ногами, мерное покачивание и усталые взгляды «сокамерников»... После пережитого на разговоры не тянуло. Геннадий неподвижно лежал, отвернувшись к стене, но, судя по отсутствию богатырского храпа, уснуть не мог. Сегодня ему досталось больше остальных – поганая тварь едва не придушила здоровяка... Хотя, если б мим в пылу схватки сцепился с кем-то другим, то, скорее всего, сейчас бы в отряде стало на одного меньше. А то и на двоих...

Глеб бросил мимолетный взгляд на Пешехода. Что ни говори, новичок оказался храбрым малым, Кто бы мог подумать... А еще, как там его... пацифист. Пожалуй, прав отец. После встречи с метаморфом подозревать бородача просто глупо. Да и не в чем.

Мимо бесшумно промелькнул Безбожник в невесть откуда взявшемся медицинском халате. Похоже, трансформация в Самуила Натановича произошла окончательно и бесповоротно. Даже щетину в кой-то веки сбрил. В свете последних событий работы у врача прибавилось. Ушибы, царапины – каждый успел получить как минимум по одному, а то и по несколько памятных «сувениров» от неожиданного гостя.

Аврора, впервые за все время их дружбы, под действием рвущихся наружу эмоций не осталась рядом с напарником, а убежала рыдать к Тарану. Может, начинает испытывать к сталкеру нечто большее, чем благодарность за кров и опеку? И готов ли Таран стать приемным родителем во второй раз? Глеб улыбнулся собственным мыслям. А хотел бы он сам называть Аврору сестренкой? Непривычно как-то... но, наверное, правильно.

Единственным, кому визит мима однозначно пошел на пользу, был Мигалыч. Под действием испытанного стресса ностальгическая грусть бывшего авиатора отошла на второй план, смазалась, уступив место деловой суете и переживаниям по поводу захворавшего механического чада. Все-таки полезный у старика недуг. Вот и сейчас, на секунду забежав в жилой отсек хлебнуть воды, путеец фирменно подмигнул больным глазом, отчего на душе сразу стало хорошо и спокойно. Восьмой десяток разменял, а все равно не унывает. По-прежнему бодр и энергичен. С такими друзьями хоть на край света...

Глава 5

Первый контакт

Погода испортилась внезапно. Казалось, еще мгновение назад взгляд ласкали умиротворяющие виды зимней Волги – простершееся до самой излучины белоснежное полотно, покапывающие берега в поросли усохшего до неузнаваемости ивняка и зависшие неподвижными громадами кучевые облака, разглядывать подолгу которые не позволял слепящий дневной свет. Но вот бахрома свисающих до земли веток-плетей заколыхалась под порывами ветра, что стремительно набирал силу, поднимая в воздух все новые порции мельчайшей ледяной взвеси. Пелена туч затянула небосвод от края до края, на разогретую броню упали, истаявая струйками пара, первые пушистые хлопья снега. Еще немного, и снегопад обрушился на тягач плотной стеной, залепляя обзорные стекла и фары, лишая и без того напуганных внезапной непогодой путешественников какого-либо обзора.

– Настоящий буран, туды его в качель... – Мигалыч отчаянно шурился, пытаясь в творящемся за окном бедламе не потерять из виду серую полосу берега. – Может, переждем? А то, не ровен час, сослепу булыган какой поймем или в пойму угодим...

– Не накличь! – потянувшись к рации, Таран глянул в сторону штурманской кабины. – Самуил Натанович, что там проводник наш думает, до города дотянем?

Из-за плохой видимости в запорошенном оконце удалось различить лишь силуэт съжившегося на заднем сиденье Пешехода. Парень вызвался показать дорогу до самого завода, поскольку, как оказалось, уже навевывался в Ярославль по заданию Ордена. Со слов бородача, город пустовал долгие годы и надеяться повстречать там выживших не стоило.

С тихим щелчком зашипела внутренняя связь, из динамиков донесся хрипловатый голос Безбожника:

– Говорит, скоро уже. Как в мост упремся, на берег свернем. А там и завод недалече.

Выглядывая из-за спины отца, Глеб всматривался в белесое море впереди, но, как ни старался, ничего, кроме бесконечного мельтешения густых снежных хлопьев, разобрать не мог.

– Я вот чего не пойму, – решил, наконец, мальчик. – Если Пешеход в Ярославле уже бывал, как в одиночку такую дорогу осилил? Снег, морозы... Хищники, в конце концов...

– Раз город мертвый, то и зверью здесь делать нечего, – поделился соображениями Таран, не отрываясь от карты. – Да и проще одному пройти, не привлекая внимания. Сам ведь знаешь.

Все это Глеб конечно же понимал, но тщедушный бородач и образ бравого сталкера-одиночки упорно не вязались друг с другом в его воображении. Тем более, учитывая врожденную глухоту Пешехода. Как можно скитаться по поверхности, не читая звуков? Списать все на феноменальное везение парня не позволяла здравая логика и уже полученный опыт общения с обитателями внешнего мира.

Исчезнувшие после встречи с мимом подозрения вернулись, заставляя украдкой наблюдать за странным попутчиком. Иногда мальчику казалось, что Пешеход прекрасно слышит все их разговоры и специально отводит взгляд, стараясь ничем не выдать себя.

А ураганный ветер меж тем крепчал с каждой минутой, и только упрямство Тарана заставляло Мигалыча, стиснув руль, гнать ракетовоз все дальше, сквозь молочную пелену разбушевавшейся метели.

– Сбавляй ход! – рявкнул вдруг сталкер, прильнув к обзорному стеклу.

Кабину качнуло, рев движка поутих, и в мутном свете прожекторов показали очертания растянувшегося в струну моста. Почерневшие от времени железные фермы, нагромождение ледяных глыб у оснований изъеденных влагой опор, фрагмент дорожного полотна, опасно зависший над изломанным пролетом, и, куда ни кинь взгляд, раскиданные неведомой силой остовы автомобилей... Уже набившая оскомину картина разрушений вмиг развеяла радость

предстоящей встречи с новым городом. Ожидание чуда сменилось привычным разочарованием.

Распахав колесами прибрежную глину, «Малютка» ходко взобрался на берег и на малых оборотах покатил вдоль стылых коробок бывших жилых домов.

Пешеход не соврал. Безлюдные улицы и отсутствие следов на снегу прямо указывали на печальный, но неоспоримый факт – на пути еще один необитаемый город. Высматривать в небе дымные следы от костров – верный признак присутствия человека – не позволяла практически нулевая видимость, однако и без того было ясно, что искать уцелевших в фонящих, продуваемых ветрами развалинах – занятие бесполезное.

Пешеход, стоило отдать должное его отменной памяти, вполне сносно ориентировался в нагромождении изувеченных временем зданий и, несмотря на бушевавшую метель, привел отряд прямехонько к приземистым, с прорехами в ржавом железе, воротам. Снова зашуршал переговорник.

– Прибыли, кажись! – бодро отрапортовал хирург, не скрывая облегчения. – Пешеход настоятельно рекомендует не соваться с парадного входа. Говорит, там все подъезды к заводу машинами забиты. Проще отсюда зарулить – ворота на ладан дышат.

Мигалыч, не дослушав, уже вогнал педаль в пол, и бронированная туша тягача, с лязгом подмяв хлипкие въездные створки, бодро вкатилась на заводскую территорию.

Разглядывая образованные цеховыми корпусами улицы и торчащие из-под сугробов короба воздухопроводов, Глеб не оставлял попыток отыскать в черед сменяющих друг друга угрюмых зданий-коробок что-нибудь необычное, некий знак, втайне надеясь, что в одном из окон, скалящихся с высоты стеклянными клыками-осколками, таки покажется мимолетный отблеск чьего-нибудь костра... Из руин, разглядывая чудо-транспорт, опасно выйдут закутанные в теплые одежды люди и...

– Там!

Голос Тарана, как всегда отрезвляюще ледяной, мигом вернул мальчика в реальность.

– Подходящее место. Заруливай внутрь.

Преодолев короткий въездной пандус, «Малютка» пересек гостеприимно распахнутый грузовой портал, в последний раз чихнул сизой гарью и замер в центре вместительного ангара. Стрелковые башни зашарили дулами пулеметов по темным сводам, выискивая потенциальные цели, но меры предосторожности оказались излишними. Ничто не нарушало покоя этого богом забытого места, лишь снежная крупа, искрясь в свете ярких прожекторов, осыпалась внутрь импровизированного укрытия сквозь прорехи в сгнившей кровле.

Короткая разведка прилегающих помещений также не выявила каких-либо опасностей, и экипаж, радуясь возможности хоть ненадолго покинуть осточертевшее нутро тягача, с энтузиазмом взялся за работу. Первым делом приладили на место валявшуюся у въезда створку ворот. Не сказать, что внутри стало намного теплее, но уютнее – точно. Под потолком весьма кстати обнаружилась кран-балка. Раздраконив древний механизм на составляющие, Мигалыч принялся колдовать с системой подвесных блоков и вскоре смастерил вполне крепкий на вид грузоподъемник. Роль силового привода, естественно, досталась Геннадию, хотя тот и сам не прочь был размяться. К вечеру демонтированный двигатель уже красовался на импровизированном постаменте из найденных на заднем дворе железнодорожных шпал, а путеец, напевая неизменный джазовый мотивчик, руководил процессом разборки.

– Дым, собирайся! – окликнул мутанта, сторожившего въездной пандус, Таран, подтягивая ремни бронезилета. – Мигалыч тут набросал список деталей. Прошвырнемся по округе, поищем. Где-то должен быть сборочный цех.

– Или заготовительный! – донеслось из-под днища «Малютки». – И чтоб без ржавчины! Некогда мне тут с напильником мурьжиться...

Геннадий лишь ухмыльнулся во всю свою квадратную физиономию, заслышав деловитое брюзжание увлеченного починкой старика, и шутливо отдал честь командиру, всем видом показывая, что против небольшого променада ничего не имеет.

– Глеб, только тебя ждем! – поторопил наемник.

Однако тот, несмотря на маниакальную тягу к приключениям, бросать работу, к всеобщему удивлению, не спешил. На мгновение подняв чумазое лицо над корпусом раскуроченного двигателя, виновато улыбнулся, пожал плечами и снова исчез за нагромождением трубок и проводов.

– Растет пацан, – прокомментировал Дым вполголоса. – Смекнул, что сейчас возле Мигалыча от него больше пользы.

– Или все еще дуется. – Таран натянул противогаз, рефлекторно бросил мимолетный взгляд на дозиметр и затопал к выходу.

* * *

Несмотря на всеобщее запустение и кажущуюся заброшенность пыльных цехов, сталкеров не покидало ощущение чьего-то присутствия. Не раз внезапные шорохи заставляли обоих вскидывать стволы, но кроме снующих по углам крыс никого высмотреть так и не удалось. Возможно, сказывались внушительные размеры погруженных в темноту залов; бесконечные, уводящие в никуда пролеты и ряды замерших навечно станков, что отбрасывали в свете налобных фонарей причудливые, а порой и зловещие, тени. Густо покрытый бахромой ржавчины сборочный конвейер с частоколом подвесных кронштейнов походил на скелет огромного доисторического животного и вкупе с завыванием гуляющего по мертвым залам ветра рождал в головах жутковатые образы. Поиск подходящих деталей среди груд кирпича и лабиринтов всевозможной машинерии грозил затянуться на неопределенно долгий срок – сырость и вездесущая плесень не оставляли металлу ни единого шанса. Иногда на глаза попадались обрывки замасленной упаковки в остатках консервационной смазки, но каждый раз – без драгоценного содержимого.

– Сдается мне, кто-то здесь до нас похозяйничал. Ни одной чистой деталюхи. Сплошь металлолом кругом.

– Это да... – поддержал Геннадий, попыхивая самокруткой и задумчиво глядя вдаль. – Вот если бы...

– Что «если бы»? – не дождался ответа наемник.

– А? – Мутант отвлекся от созерцания стеллажей с технологической оснасткой и горестно вздохнул. – Говорю, если б точно такой же движок попался... Поставили бы вместо прежнего и почесали дальше... А детали... Где ж их тут сыщешь в таком бедламе?

Таран перестал рыскать фонарем вдоль шеренги испытательных стендов и направил луч на приятеля.

– Что, говоришь, поставили бы?

– Движок. Ну типа того, что в углу валяется. – Предвосхитив очередной вопрос напарника, Дым протопал в обратном направлении к ржавеющей у стены электрокаре и кивнул на квадратный кузов.

Внутри, на истрескавшемся от времени деревянном ложементе, прикрытый брезентом, покоился целехонький, на первый взгляд, двигатель.

– Похож на наш, только эти вот трубочки по-другому загибаются. – Мутант ткнул похожим на колбасу пальцем в топливный трубопровод, видневшийся под антикоррозионной упаковкой.

– Трубочки... – хмыкнул Таран, взрезая пластик, затем отыскал маркировку на корпусе и наконец азартно щелкнул пальцами. – Есть! Модификация немного другая, но база та же, что и у движка «Малютки».

Стянув противогаз, он устало улыбнулся напарнику:

– Гена, чудо-юдо ты зеленое, кто ж нам мешает его на запчасти разобрать?! Вот тебе и детали!

Возвращались в приподнятом настроении. Ценную находку пришлось транспортировать на насоро сколоченных из деревянных паллет волокушах, что на Геннадии, впрочем, никак не сказалось.

Мутант словно не замечал внушительного груза за спиной и лишь изредка морщился, когда лямка «упряжи» взрезалась в могучую грудь. Наемник прикрывал тылы, изучая козырьки крыш поверх прицельной планки автомата.

– Гляди! – не сбавляя шаг, Дым указал на вертикально торчащий из снега осколок плиты.

В середине его, в расщелине, образованной половинками необычного монумента, покоились два вертикально установленных коленчатых вала. В верхней части инсталляции, если приглядеться, угадывались полустертые буквы памятной надписи: «НАВСТРЕЧУ 100-ЛЕТИЮ».

Но не лозунг из прошлого привлек внимание мутанта. Поверх одного из коленвалов красовался, зловеще скаля почерневшие зубы, человеческий череп.

– Судя по остаткам кожи, не так уж давно висит, бедняга. Значит, город все-таки обитаем... – Таран покосился на приятеля. – Думаешь о том же, о чем и я?

Не сговариваясь, оба припустили по сугробам в направлении «базы». Наемник первым ввалился в ангар, отдуваясь и стряхивая с комбеза комья липкого снега.

– Пешеход где?

Стоявший в дозоре Индеец с удивлением воззрился на командира:

– Так он же вслед за вами ушел! Объяснил Натанычу, что поможет с поисками...

– А карты? Карты его на месте?

Из «Малютки» показался Безбожник, сокрушенно помотал головой в знак отрицания.

– Свалил значит, гнида! – Бросив «упряжь», Геннадий зло сплюнул окурок под ноги.

– Не велика потеря, – подал голос Мигалыч, вытирая замасленные руки ветошью. – Убег, так и шут с ним!

– Не скажи, отец. Ведь для чего-то он нас в Ярославль привел? – Мутант полез в карман за новой самокруткой. – Да и где теперь без карт горючки раздобыть? Эх, не зря Глеб на него волком смотрел... Кстати, где парень?

Возле ремонтного верстака малолетнего непоседы не оказалось. Со слов Авроры, занятой приготовлением ужина, не заглядывал он и внутрь ракетовоза. Мигалыч и Индеец лишь переглядывались растерянно, разводя руками. Не на шутку всполошившись, Таран отчитал обоих за недогляд и вновь засобирался наружу.

Однако Глеб объявился сам – раскрасневшийся от бега и донельзя взволнованный. Едва отдышавшись, потянул отца за рукав:

– Я проследил за ним! Скорее! А то уйдет!

– Дым, остаешься здесь, поможешь с движком. Мигалыч, не затягивай с ремонтом! – Бросив короткое напутствие, Таран вынырнул в снежную круговерть вслед за сыном. Резкий порыв ветра едва не сшиб сталкера наземь, ноги вязли в сугробах, но юркая фигурка впереди, почти неразличимая на фоне бушующей стихии, упорно пробивалась к громаде соседнего заводского корпуса. Поднажав, сталкер догнал сына возле входа, так что в темноту цеха оба ступили практически одновременно.

– Тихо, тихо. Не суетись, – осадил Таран, придерживая паренька за плечо, и вскинул «калаш». – По сторонам гляди. Не на прогулке все ж.

Дальше пошли медленнее, шаря лучами фонарей по углам и коридорам.

– Здесь! – Глеб внезапно остановился, подсветив отверстие колодца в заляпанном гудроном полу. – Здесь Пешеход вскрыл люк и ушел под землю. Вниз я не рискнул лезть.

– И правильно сделал, – одобрил сталкер, припомнив детали памятной встречи с «кукловодом». – Он тебя видел?

– Вряд ли. Я старался не шуметь.

– Это хорошо... – сталкер застыл над шахтой в раздумьях.

– Что же мы стоим?! – зашипел паренек отчаянно. – Надо выкурить его оттуда, «поговорить по душам»...

– Поверь, внизу Пешеход не задержится. На снегу у него шансов мало – следы выдадут, поэтому и пытается подвалами с завода уйти.

– Но ведь он не знает дороги!

– Получается, знает. – Глаза Тарана под обзорными стеклами недобро сверкнули. – Не забывай, как минимум один раз он здесь уже побывал. И что-то мне подсказывает...

– ... что этот раз не был единственным, – закончил Глеб. – И как нам теперь его искать?

– Есть одна мыслишка. Давай за мной!

Беготня по заваленным снегом межцеховым пролетам сил не прибавляла, и вскоре паренек стал задыхаться. Собравшись было окликнуть Тарана, Глеб с радостью заметил, как тот замедляется, пристально озираясь. Оторвав взгляд от отцовской спины, Глеб торопливо снял «Бизон» с плеча и тоже осмотрелся. Прямо по курсу маячили смятые многотонным «Малюткой» въездные ворота. От них внутрь заводской территории тянулся хорошо различимый след огромных колес ракетовоза.

– Гляди, – указал сталкер, перекрикивая вой ветра.

Внутри колеи, припорошенные мельчайшей ледяной крупой, еще угадывались отпечатки ботинок.

– А провожатый-то наш не дурак. Шифруется... – Таран кинул быстрый взгляд на часы. – Только и мы не лыком шиты. Теперь выследим, куда не денется.

Но удача сегодня явно благоволила Пешеходу. Снег продолжал валить без остановки, словно испытывая преследователей на прочность. Когда позади осталась эстакада автомобильного моста, единственной достопримечательностью которого стал вмерзший в лед дороги остов бронетранспортера, от цепочки следов, петлявших между домами, остались лишь едва заметные углубления. Еще немного, и сталкер перешел на шаг, вглядываясь в белесую муть впереди, но его усилия были тщетны – следы беглеца замело окончательно.

– Потеряли? – с сожалением в голосе уточнил Глеб, едва отдышавшись.

Вместо ответа Таран поднял руку в предупреждающем жесте и приставил палец к наморднику противогаза, призывая к тишине. В этот момент сквозь завывания ветра донеслись обрывки невнятных звуков. Мальчик напряг слух и спустя несколько томительно долгих секунд снова услышал это... Лязг. Ритмичный, металлический... Очень похожий на звон корабельных склянок, которые ежечасно отбивали на Вавилоне. Перед мысленным взором Глеба предстал образ циклопической буровой платформы, что еще совсем недавно бороздила просторы Балтийского моря, добывая ресурсы для поселения на острове Мощном. Теперь же и остров с его обитателями, и гордый Вавилон остались лишь в воспоминаниях. Судьба-злодейка, подарив однажды шанс на спасение, с той же легкостью отобрала его, лишив людей надежды...

Быть может, там, в глубине жилых кварталов Ярославля, раскинулся лагерь выживших? Глебу отчаянно хотелось в это верить, и он с энтузиазмом затопал вслед за наставником, проваливаясь в снег по колено. Следуя вдоль улицы Добрынина – так гласила надпись на пожелтевшей изгвазданной табличке, – сталкер останавливался еще несколько раз, но интригующий звук больше не повторялся. В итоге, посоветовавшись, решили осмотреться с высоты и свернули к ближайшей квадратной девятиэтажке на пересечении с Угличской улицей. Дом выглядел

вполне пригодным для восхождения, и путешественники без промедлений вошли в стылый подъезд, спеша укрыться от непогоды. Поросшие жестким мхом лестничные пролеты выглядели заброшенными. Если после войны здесь и ступала нога человека, то случилось это много лет назад. Сейчас от сырых заиндевевших стен веяло мертвецким холодом и запустением. Преодолев вслед за отцом несколько маршей, Глеб отметил, что все без исключения двери, встретившиеся на пути, были вскрыты. В подтверждение мелькнувшей догадки Таран пояснил:

– Квартиры разграблены подчистую. Даже мебель всю вынесли.

– На растопку? Дрова издалека таскать глупо, – развил мысль паренек. – Значит, где-то рядом убежище было.

– Или все еще есть, – сталкер высадил плечом единственную запертую дверь и оказался на крыше.

Как ни странно, но за время их непродолжительного восхождения метель заметно поутихла, а видимость улучшилась, предоставив уникальный шанс как следует изучить окрестности. А посмотреть было на что: с высоты открывался отличный вид и на брошенные жилые кварталы, и на оставшийся позади Добрынинский мост, и на маячившее невдалеке здание вокзала. Привычный к картинам разрушений взгляд сразу же выделил в панораме мертвого города нечто неестественное. Там, за россыпью гаражей и ветхих одноэтажных построек, вдоль железнодорожных путей тянулась импровизированная стена, собранная из опрокинутых на бок вагонов-платформ, металлических листов-заплаток, мешков с песком, кирпичей и всевозможного строительного хлама. Внутреннее пространство защитного периметра оказалось под завязку забито все теми же вагонами – пассажирскими, бункерными, хопперами, рефрижераторами... Но чаще других попадались сцепки из вагонов-цистерн. Каждый был тщательно очищен от вездесущей ржавчины и заботливо промаркирован свежей краской.

– Пригнись! – шепнул Таран, примостившись возле ограждения. – Видишь вышки по углам? С них могут засечь.

– Кто это? – Глеб жадно разглядывал раскинувшийся впереди лагерь.

– Сдается мне, тот самый «Орден нефтяников», о котором наш «экскурсовод» трепался.

– Но ведь Пешеход рассказывал, что они возле Вологды встали!

– Ты же сам говорил, что ему нельзя доверять, – сталкер откинулся на спину, пристегивая к автомату оптический прицел. – Такой же сволочью оказался, что и наш бывший знакомец Ишкарий. Считай, двадцать тонн горючки Ордену добыл. С доставкой на дом...

Чем дальше паренек наблюдал за странным поселением, тем больше необычных деталей бросалось в глаза. Купейные вагоны выполняли роль жилых бараков. К каждому из них примыкало добротно сколоченное деревянное крыльцо. Вдоль крыш тянулись провода – судя по всему, с электричеством у нефтяников проблем не было. Из трубы приземистого здания чадил серый дым – как пить дать, в подвале работал дизель-генератор, а то и не один. Обнаружился и источник загадочного звона – под козырьком дряхлого вагона-ресторана, выполнявшего, судя по всему, функции столовой, висел на проволоке кусок рельса. С его помощью, видимо, и подавали сигнал к началу трапезы.

– Они б еще в чистом поле окопались, – недоумевал Глеб. – Не легче ли было в здании каком обустроиться, раз уж радиации не боятся?

– Фон-то здесь как раз слабый. Жить можно. Дело в другом. – Припав к окуляру прицела, Таран водил стволом «калаша» вдоль ограды. – Думаешь, почему ребятки местные сортировочную облюбовали? Для них это не просто кладбище подвижного состава, а настоящее банковское хранилище. Руку даю на отсечение, что цистерны не порожняком стоят. Нефть, дизтопливо, бензин – все, что собрано по крохам, – здесь, под охраной. И, судя по высоте внешних стен, не от людей Орден отгородился.

Подтверждая слова сталкера, откуда-то с окраин донесся протяжный звериный вой.

– Надо бы наших предупредить, что...

– Смотри! – перебил мальчик, дергая отца за рукав.

От стены соседнего дома отделилась неясная тень. Глянув на гостя сквозь оптику, Таран сразу же признал в семенившей вдоль улицы фигурке Пешехода. То и дело озираясь, беглец двигался напрямиком к лагерю нефтяников.

– А инвалид-то наш, заметь, не хромает больше... – проследив направление движения, сталкер уткнулся взглядом в пару сторожевых вышек, а между ними...

В разрыве периметра, на узкой площадке теснились два мощных грейдера. Вместо отвалов перед водительскими кабинами торчали наглухо приваренные к рамам массивные щиты из листового железа. Вся эта механизированная конструкция выполняла роль въездных ворот.

– Тикать надо! – горячо зашептал Глеб. – Пока не поздно!

– Уже поздно. Сейчас он своим подельникам расскажет, где «Малютка», и все. Завод обложат – никуда не денемся. – Приняв решение, сталкер повернулся к сыну:– Сделаем по-другому. Пулей давай назад. Скажешь нашим, чтоб сворачивались пошустрее. А я пока Пешеходу пасть заткну. Глядишь, выгадаем немного времени. Пусть поищут иголку в стоге сена.

Рванувшись было к лестнице, Глеб замер в нерешительности, оглядываясь на отца. Глаза мальчика лучились тревогой.

– Беги, я сказал! Ну?!

Когда паренек скрылся внизу, Таран перевел автомат в режим стрельбы одиночными, здраво рассудив, что лупить очередями с такого расстояния – толку мало. Затем снова прилип к прикладу и поймал удалявшуюся фигурку предателя в прицел. С каждой секундой риск промахнуться возрастал, но наемник медлил, выгадывая для сына драгоценные секунды форы.

Не доходя до периметра, Пешеход приветственно посигналил рукой, прокричал что-то – не иначе как пароль. Вот тебе и глухонемой калека... В ответ с вышки донесся предупреждающий окрик дозорного.

Дальнейшее промедление грозило обернуться катастрофой. Задержав дыхание, сталкер поймал мгновение между ударами сердца и плавно выжал спусковой крючок. Отдача привычно толкнула прикладом в плечо, картинка дернулась, и мгновением спустя взгляд зафиксировал распростершееся на снегу тело. Грохот выстрела поднял с провисших проводов ЛЭП стаю крикливых остроклювых птах. Оглашая окрестности громкими воплями, юркие бестии взмыли в небо и вскоре исчезли за крышами домов, но вкупе с шумом от пальбы эффект был достигнут. Где-то за периметром заунывно взывала сирена. Сразу на нескольких вышках, пронзая сгущающиеся сумерки, зажглись прожектора.

Расстояние от дома до ворот Таран преодолел в рекордно короткие сроки. Заметив нездоровую суету на вышках, обернулся в сторону оставленной девятиэтажки и высадил по зданию половину рожка, имитируя бой с неизвестными преследователями. Уловка сработала – лучи прожекторов зашарили по окнам домов и проулкам, игнорируя одинокую человеческую фигурку у подножия стен. Рухнув на колени возле тела Пешехода, сталкер зашарил по карманам заляпанного кровью комбеза. Валяться в снегу под дулами сразу нескольких нацеленных со стен автоматов было весьма неудобно. Оставалось надеяться, что его возня пусть немного, но смахивает на оказание первой помощи, хотя бородач в ней уже и не нуждался. Пришлось перевернуть труп на спину, и взгляд помимо воли остановился на развороченном метким выстрелом лице. Теперь в нем осталось мало человеческого, а уцелевший глаз косился на убийцу с укоризной. Того и гляди, подмигнет на прощание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.